М. Гершензонъ

ТРОЙСТВЕННЫЙ ОБРАЗЪ СОВЕРШЕНСТВА

МОСКВА
1918

М. Гершензонъ

ТРОЙСТВЕННЫЙ ОБРАЗЪ СОВЕРШЕНСТВА

МОСКВА
1918

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1918.

I.

1.—Такъ училъ Анаксимандръ о взаимной враждѣ созданій: „Начало и истокъ вещей — безконечное; и откуда вещи рождаются, въ то самое онѣ и разрѣшаются неизбѣжно, ибо терпятъ другъ отъ друга въ урочное время искупительную кару за свое нечестіе“. Нынѣ, чрезъ 25 вѣковъ, законъ круговращенія, угаданный Анаксимандромъ, обнаруженъ наукой. Все сущее въ мірѣ—единая субстанція; но единая міровая субстанція пребываетъ лишь въ раздѣльныхъ формахъ. Нѣтъ ничего самобытнаго, ибо въ основѣ своей все едино и слитно; но также нѣтъ ничего, что существовало бы не какъ личность. Всякое бытіе безпримѣрно въ своей единственности; каждое созданіе утверждаетъ себя самовластно и силится обращать все окружающее себѣ на пользу. И такъ какъ внѣ личностей нѣтъ субстанціи, то каждая личность старается разрушить другую, чтобы освободить изъ нея и присвоить себѣ субстанціальное ядро, нужное ей для самосохраненія. Такъ поступаетъ звѣрь, срывая траву или раздирая другое животное: онъ разрушаетъ скорлупу, т.-е. индивидуальную форму, чтобы извлечь часть той субстанціи, которая обща ему и истребляемой имъ жизни.

2. — Таковъ верховный законъ: внутреннее противорѣчіе природы. Она одновременно желаетъ и сохранять личность какъ цѣлое, и освобождать субстанцію, что̀ невозможно безъ разрушенія личности. Поэтому она вооружаетъ каж-

дое свое созданіе сразу и средствами самозащиты, и средствами нападенія; она истощается въ усиліяхъ скрыть ядро какъ можно дальше, какъ можно тщательнѣе, и для того одѣваетъ его тысячью скорлупъ, — и съ такимъ же усердіемъ учитъ другія созданія добираться до ядра сквозь всѣ скорлупы. Въ человѣкѣ двойной замыселъ природы достигъ наивысшаго осуществленія: лучше всѣхъ созданій человѣкъ умѣетъ охранять цѣлость собственной личной формы, и лучше всѣхъ умѣетъ добывать родовую субстанцію изъ другихъ природныхъ тѣлъ. Для животнаго кругъ потребленія ограниченъ; оно умѣетъ разбивать только немногія опредѣленныя формы, въ которыхъ ядро сравнительно доступно: таково питаніе животнаго; или же оно использует такія природныя тѣла, чья личная форма уже помимо его была разрушена: такъ птица складываетъ гнѣздо изъ сухихъ вѣтокъ; и въ обоихъ случаяхъ животное использует лишь незначительную часть субстанціальныхъ силъ, потому что оно не умѣетъ добираться до глубже лежащихъ, до скрытыхъ за дальнѣйшими скорлупами въ томъ же потребляемомъ тѣлѣ. Человѣкъ далеко превзошелъ животныхъ; онъ научился, во-первыхъ, добывать нужные ему элементы изъ природныхъ тѣлъ, казалось-бы совершенно чужеродныхъ ему,—изъ желѣза и камня, изъ яда и радія, и безчисленныхъ другихъ; во-вторыхъ, несравненно глубже проникать во всѣ вообще потребляемыя имъ природныя тѣла; и въ-третьихъ, такъ воздѣйствовать на природу, чтобы она создавала нужныя ему для потребленія формы въ томъ мѣстѣ, въ томъ количествѣ и такого качества, какъ ему удобно для легчайшаго ихъ использованія. Человѣческая техника есть прежде всего умѣнье разрывать оболочки природныхъ тѣлъ, — сначала личную, затѣмъ видовую, затѣмъ родовую, затѣмъ оболочку болѣе

обширнаго рода, и далѣе до безконечности, и тѣмъ освобождать заключенныя въ нихъ субстанціальныя силы; потому что, чѣмъ глубже внутрь, тѣмъ тожественнѣе между собою субстанціи тѣлъ, и тѣмъ тожественнѣе онѣ субстанціи человѣка. Вѣтка на деревѣ вполнѣ сохраняетъ свою личную форму, въ засохшей, которую тащитъ муравей, личная форма разрушена; это значитъ, что въ ней освобождены для пользованія — притомъ, освобождены не самимъ муравьемъ,—только тѣ силы, которыя были заперты въ ея личной формѣ. Ихъ мало, но муравей доволенъ ими: больше онъ не умѣетъ добыть. Всѣ остальныя богатыя силы вѣточки еще недоступны; ихъ крѣпко сторожитъ ея видовая форма, и не отдастъ безъ борьбы; вѣточка еще имѣетъ свою волю, непокорную муравью. Но человѣкъ разбиваетъ и эту скорлупу, и еще многія скрытыя за нею, и постепенно освобождаетъ изъ вѣточки на службу себѣ ея глубочайшія силы. Потому что каждое созданіе имѣетъ не только свою личную форму, но и форму того вида, къ которому оно принадлежитъ, и не только форму своего вида, но и форму рода, включающаго въ себя видъ, и еще далѣе, форму семейства, класса и царства, къ которымъ принадлежитъ его родъ, — безчисленныя оболочки отъ неповторимаго личнаго своеобразія до міровой всеобщности. Такъ каждое созданіе совмѣщаетъ въ себѣ предѣлъ и безпредѣльность въ непрерывной послѣдовательности переходовъ.

3.—Ясень, изъ котораго сдѣланъ мой столъ, былъ такою же живою личностью, какъ я самъ. Онъ былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ ясеней; звѣрь и птица вѣрно знали его по его личнымъ признакамъ, какъ мы узнаемъ своего знакомаго въ толпѣ. Какъ у человѣка есть много думъ, и чувствъ, и отношеній, такъ полно было и его су-

ществованіе, совершенно отдѣльное, и вмѣстѣ вплетенное въ общую жизнь вселенной. Онъ жилъ богатой и сложной жизнью въ непрерывномъ общеніи со всей природой, исполняя таинственное дѣло, къ которому онъ, особенный, былъ предназначенъ. Но человѣкъ сказалъ ясеню: „Я не хочу имѣть дѣла съ тобою, какъ съ личностью, потому что какъ личность ты равенъ мнѣ, я же хочу, чтобы ты служилъ мнѣ; поэтому я убью тебя, чтобы уничтожить твою самостоятельность". И срубилъ этотъ ясень и много другихъ, и распилилъ ихъ на доски, и смѣшалъ эти доски безъ разбора. Цѣлостное въ деревьяхъ, и все, что было въ нихъ личнаго, онъ истребилъ смертью; въ доскахъ уцѣлѣли только родовые признаки ясеня, т.-е. особенныя силы, присущія любому ясеню, а этотъ скудный пучокъ силъ, зато уже вполнѣ покорныхъ, человѣкъ легко могъ обратить на пользу себѣ.

4.—Такъ создаетъ человѣкъ свои вещи. Онъ всѣ ихъ создаетъ изъ природныхъ тѣлъ. Но всякое природное тѣло индивидуально; взятое во всей живой полнотѣ своихъ личныхъ свойствъ, оно непригодно для человѣка. Чтобы овладѣть имъ, надо прежде всего вырвать его изъ могучаго единства природы, а это значитъ — убить его какъ личность, т.-е. срубить или выкорчевать дерево; тогда получается трупъ: первая побѣда человѣка. Но и трупъ еще рѣдко бываетъ пригоденъ; выдернутую морковь можно сразу съѣсть, но что можно сдѣлать со срубленнымъ ясенемъ, когда онъ лежитъ предъ тобою въ своихъ природныхъ размѣрахъ, цѣлый, многовѣтвистый и многолистный? Хотя и трупъ, онъ все еще отчасти личность, такъ какъ сохранилъ свою индивидуальную форму; въ немъ еще много самобытныхъ силъ, непокорныхъ человѣку. Надо погасить и эти личныя силы, надо обезличить его

вполнѣ, чтобы въ немъ остались только признаки, общіе всѣмъ ясенямъ на свѣтѣ; и вотъ человѣкъ обрубаетъ вѣтви, сдираетъ кору и распиливаетъ трупъ на части. Итакъ, первое дѣло человѣка—убить, второе—уничтожить личную форму. На этомъ принципѣ основана вся техническая дѣятельность человѣка. Ни одно дитя природы не можетъ удостоиться высокой чести принять въ себя лучъ человѣческаго разума, прежде чѣмъ оно не умретъ и не отдастъ своего тѣла на попраніе.

Но и этимъ обычно не довольствуется человѣкъ. Умертвивъ созданіе и разрушивъ его личную форму, онъ смѣшиваетъ разъятыя части мертваго тѣла съ такими же разъятыми частями многихъ другихъ природныхъ тѣлъ, совершенно отличныхъ отъ перваго. Онъ изъ частицъ многихъ убитыхъ имъ разнородныхъ индивидуальностей приготовилъ жидкую смѣсь—политуру, и покрылъ ею доски; чтобы изготовить обои, онъ взялъ по пригоршнѣ частицъ отъ множества разнообразнѣйшихъ нѣкогда живыхъ природныхъ тѣлъ и перемѣшалъ ихъ по своему произволу. Этимъ смѣшеніемъ обезличеніе природныхъ тѣлъ доводится до предѣла, потому что въ обрубкѣ дерева и въ доскѣ еще отчетливо узнавался по крайней мѣрѣ видъ—ясень, но въ полированномъ столѣ узнается уже только родъ—дерево, наконецъ въ обояхъ, также сдѣланныхъ изъ дерева, нельзя узнать уже ни личности, ни вида, ни даже рода какого-либо изъ многочисленныхъ природныхъ созданій, которыя были закланы на изготовленіе этого куска обоевъ. Изъ такихъ смѣсей, изъ перетасованныхъ до совершенной неузнаваемости, взаимно обезличившихъ другъ друга кусковъ умерщвленной природы, создано почти все, что насъ окружаетъ,—наша матеріальная обстановка, орудія, одежда и пища.

5.—Ненасытная алчность толкаетъ человѣка проникать въ нѣдра природы и отыскивать глубоко въ ея живыхъ созданіяхъ частицы общей имъ и ему субстанціи. Разумъ—оружіе его завоеваній; и тотъ же разумъ учитъ его снова замыкать эти освобождаемыя имъ силы въ прочныя формы, на этотъ разъ—въ человѣческія, въ формы вещей. Разрушая природную организацію, разумъ замѣняетъ ее своею; человѣкъ мыслитъ: „Этотъ пучокъ природныхъ силъ я симъ, насколько умѣю, изъемлю изъ оборота природы. Я узналъ себя въ нихъ, я освободилъ ихъ, и нынѣ да примутъ онѣ мой образъ, чтобы служить мнѣ наравнѣ съ моими членами, которые уже отъ природы — я“. Значитъ, изготовленіемъ вещей человѣкъ тормазитъ непрерывное дѣйствіе міровой антиноміи; вмѣсто того, чтобы природныя силы, освобождаясь изъ индивидуальныхъ природныхъ формъ, сразу или вскорѣ переходили въ новыя такія же природныя образованія,—онъ, освобождая, насильственно задерживаетъ ихъ въ своемъ обладаніи, какъ бы въ награду себѣ за трудъ ихъ освобожденія. Онъ сочетаетъ ихъ по своему смыслу, и тѣмъ кладетъ на нихъ клеймо собственника,—разумѣется, только на время, такъ какъ вполнѣ изъять ихъ изъ вѣдѣнія природы невозможно; онѣ постепенно распадаются изъ состава, запертаго человѣкомъ въ вещи, и возвращаются въ міровую жизнь. Итакъ, въ производствѣ вещей человѣкъ слѣдуетъ всеобщему закону, который велитъ каждому недѣлимому въ мѣру данныхъ ему средствъ разрушать другія недѣлимыя и присвоивать себѣ часть ихъ жизненной силы. Первоначальный и простѣйшій видъ такой разрушительной дѣятельности и такого временнаго захвата—питаніе. Производство вещей есть также родъ питанія: узаконенное природою убійство съ цѣлью грабежа и временнаго пользованія.

6.—Но въ силу той же основной антиноміи человѣкъ встрѣчаетъ въ своей работѣ двоякое препятствіе. Природа повелительно требуетъ отъ него убійства, и въ то же время ревниво затрудняетъ ему убійство, снабжая всякое созданіе, на какое ему дано посягнуть, тысячью оборонительныхъ средствъ; прежде, чѣмъ добраться до нужныхъ ему элементовъ въ чужомъ тѣлѣ, онъ долженъ разрушить не одну, а множество скорлупъ, которыя всѣ заключены въ личной формѣ. Эта разрушительная работа есть трудъ, то что трудно. Трудъ быку срывать и разжевывать траву, и великій трудъ человѣку умертвить и размельчить несчетное множество природныхъ созданій, чтобы создать вещи. Далѣе, хотя человѣкъ не отвѣтственъ за свои убійства, ибо исполняетъ ими велѣніе Единой Воли, но въ самомъ этомъ велѣніи онъ постигаетъ свое единство съ жертвою: „она единородна тебѣ; ты окрѣпнешь ея кровью именно потому, что ея кровь тожественна твоей“. Рука, невольно заносящая топоръ, медлитъ; стыдно и страшно взглянуть въ лицо обреченному брату. Поэтому первый актъ разрушенія, именно разрушеніе личной формы, мучителенъ. Это чувство особенно сильно въ первобытномъ человѣкѣ, потому что онъ еще знаетъ каждое созданіе какъ единственную и самобытную личность. Оттого оджибуэй слышитъ стонъ дерева, срубаемаго безъ цѣли; оттого кафръ, убивъ слона, извиняется, говоря, что это случилось нечаянно; оттого корякъ, убивъ медвѣдя, проситъ прощенія у трупа, слагая вину на желѣзный капканъ или ружье, сдѣланные русскими; оттого древній Санхоніатонъ говоритъ о первомъ поколѣніи людей, что они поклонялись травамъ, которыми питались. Потому что въ убійствѣ ради питанія есть не только верховная принудительность, но есть и свободное рѣшеніе убійцы, есть его корысть и выборъ.

Эту несправедливость сохраненія своей личной формы цѣною разрушенія чужой ощущаетъ первобытный человѣкъ; за этотъ грѣхъ, думаетъ онъ, придетъ душа убитаго животнаго мучить его. Мы уже почти не чувствуемъ индивидуальности въ живомъ созданіи природы; но все же древнее чувство еще не совсѣмъ угасло въ насъ, и убійство намъ тѣмъ страшнѣе, чѣмъ больше личная форма жертвы похожа на нашу. Разрушеніе дальнѣйшихъ оболочекъ, видовыхъ и родовыхъ, сопряжено все съ меньшимъ стыдомъ, и стыдъ умаляется по мѣрѣ удаленія отъ личной формы вглубь вещества.

7.—Напротивъ, вторая часть задачи, слѣдующая за разрушительной работой, — формировка человѣческихъ вещей—соединена съ высокимъ чувствомъ, съ гордымъ самосознаніемъ разума. Однако трудъ и здѣсь не менѣе великъ. Воля матеріи неистребима, даже въ атомѣ еще сохраняется могучая сила инерціи, жажда покоя. Какъ бы ни обработалъ человѣкъ вещество, оно все-таки противопоставляетъ его творческому замыслу по крайней мѣрѣ свою косность; и даже если бы оно пожелало добровольно выйти изъ своей неподвижности, оно не знало бы, куда человѣкъ желаетъ его направить. Поэтому творчество требуетъ новыхъ усилій, чтобы сдвинуть вещество и указать ему должное мѣсто. Усталостью этихъ послѣднихъ усилій была рождена въ древней Греціи мечтательная ложь объ Орфеѣ, который звуками своей лиры заставилъ камни сложиться въ стѣну. Но и игра на лирѣ—еще усиліе; такъ даже въ миѳѣ человѣкъ не смѣлъ мечтать о томъ, чтобы вещество добровольно и сознательно слѣдовало велѣніямъ человѣка.

8.—Природа поставила трудъ условіемъ потребленія; только въ совокупности обѣихъ частей исполняется ея

двуединый законъ. Но человѣкъ хитрымъ разумомъ измыслилъ способъ обходить законъ. Онъ рано замѣтилъ (отчасти это знаютъ уже животныя), что можно облегчать свой трудъ, натравливая родовыя силы одного природнаго тѣла на другое. Это коварство и положено имъ въ основаніе техники: его основное правило—отыскивать въ самой природѣ такіе пучки силъ, которыя умѣли бы по его желанію превозмогать личную, видовую, родовую самозащиту недѣлимыхъ, такъ, чтобы въ непосредственной борьбѣ изнашивались они, рабы, а не онъ, ему же оставался бы только сравнительно-легкій трудъ командованія ими. Когда человѣку нужно преодолѣть волю дерева, заключенную въ сцѣпленіи его частицъ, онъ не раздеретъ дерево своими руками: это трудно. Онъ отыщетъ въ природѣ такое созданіе, которое таитъ въ себѣ власть какъ-разъ надъ сцѣпленіемъ древесныхъ частицъ, и онъ прежде всего вырветъ это созданіе изъ общаго состава природы, чтобы сдѣлать его покорнымъ себѣ, потомъ вытравитъ изъ него лишнія видовыя и родовыя силы, сохранитъ лишь тѣ, которыя пригодны для данной цѣли, приведетъ ихъ въ цѣлесообразный порядокъ, и тогда пошлетъ эту небольшую рать силъ—топоръ—въ нужномъ направленіи войною на дерево; и лезвее топора дѣйствительно легко побѣждаетъ волю дерева. Но и эти дѣйствія надъ желѣзомъ онъ также совершаетъ не лично, а чрезъ посредство многихъ другихъ порабощенныхъ имъ природныхъ силъ,—и такъ далѣе назадъ до безконечности. Именно этой „хитростью разума" человѣкъ всегда и всюду побѣждаетъ природу: искусно возбуждая въ ней и направляя междоусобія. Онъ заставляетъ останки одного трупа изъ послѣднихъ уцѣлѣвшихъ силъ нападать на останки другого, и останки третьяго, четвертаго, пятаго—на останки тѣхъ двухъ, пока въ ихъ

взаимной борьбѣ не уцѣлѣетъ лишь нужное ему сочетаніе частицъ. Всякое человѣческое орудіе есть пучекъ цѣлесообразно-сохраненныхъ и приспособленныхъ природныхъ силъ, и производство представляетъ собою многочленную іерархію орудій, въ строгой послѣдовательности воздѣйствующихъ одно на другое и по нѣсколько на одно, пока не достигается конечная цѣль, предъумышленная человѣкомъ.

9.—Но чтобы превратить природную силу въ послушнаго исполнителя, въ орудіе, необходимо прежде всего лишить природное тѣло, въ которомъ она заключена, его индивидуальной воли. Наименьшее, чего требуетъ человѣкъ безусловно отъ всѣхъ созданій, обращая ихъ въ орудія,—отреченіе отъ личной воли; далѣе же онъ обезличиваетъ ихъ въ разной мѣрѣ, смотря по служебной задачѣ, какую онъ ставитъ имъ. Гдѣ ему важно сохранить и динамическую силу созданія, онъ оставляетъ послѣднему жизнь, ограничиваясь только подавленіемъ личной воли; въ другихъ онъ погашаетъ всѣ личные признаки, т.-е. смертью разрушаетъ ихъ личную форму, и такъ далѣе, до погашенія всѣхъ признаковъ личности, вида и ближайшихъ родовъ, такъ что сохраняются только общія физико-химическія свойства вещества. Пашущій волъ есть такое же орудіе человѣка, какъ вилы и дубильная кислота: въ нужной степени обезличенный и приспособленный посредникъ между человѣкомъ и самостоятельностью природныхъ тѣлъ. Весь трудъ борьбы съ ихъ самозащитою несетъ посредникъ, который и расходуетъ свою энергію въ этой борьбѣ, человѣкъ же присвоиваетъ себѣ плоды борьбы, т.-е. уцѣлѣвшія по его замыслу силы побѣжденныхъ тѣлъ.

10.—На этомъ принципѣ основано уже питаніе животныхъ. Цѣль питанія—извлекать изъ почвы, изъ воздуха и

изъ солнечныхъ лучей тѣ вещества, которыя субстанціально-тожественны организму питающагося созданія. Животное предоставляетъ злакамъ первоначальный трудъ этой переработки и затѣмъ, пожирая траву, грабитъ у нея плоды ея усилій—азотистыя вещества, углеводы и соли, добытыя травою изъ почвы, изъ воздуха и изъ солнечныхъ лучей. Въ свою очередь человѣкъ выпускаетъ быка на тучное пастбище съ хитрою мыслью: „Мнѣ лѣнь самому добыть изъ травы нужныя мнѣ вещества въ нужномъ количествѣ; мнѣ пришлось бы для этого съѣсть и переварить цѣлые пуды ея, что̀ затруднило бы мое пищевареніе. Сдѣлай ты это за меня; пожри траву, выдѣли ненужныя части, а азотистыя вещества, жиры и углеводы переработай въ кровь и мускулы; тогда я приду и отниму ихъ у тебя въ готовомъ видѣ, а остальной трудъ,—превращеніе твоего фабриката въ мою, человѣческую субстанцію,—додѣлаютъ уже мои собственные зубы и желудокъ“. Здѣсь—та же послѣдовательность орудій; трава для быка, быкъ для человѣческаго желудка, и человѣческій желудокъ—для непостижимаго человѣческаго „я“ — суть фабрики, обрабатывающія сырье, суть орудія.

11.—Такъ орудійность присуща самой природѣ и не изобрѣтена человѣкомъ; онъ только научился пользоваться ею сознательно и распространилъ ея примѣненіе на всю свою дѣятельность. Но оставалось сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы завершить систему орудій. На человѣкѣ еще лежало руководство орудіями, неустранимое потому, что орудіе по самой сущности лишено воли. Этотъ послѣдній видъ труда—руководство орудіями—могъ быть порученъ только человѣку. Итакъ, оставалось распространить принципъ посредничества на человѣка и превратить брата своего также въ орудіе, именно въ наивысшее изъ орудій—

въ подневольнаго руководителя всей іерархіи низшихъ орудій: въ раба. А для того, чтобы рабъ могъ въ этомъ дѣлѣ вполнѣ замѣнить хозяина, послѣдній долженъ былъ оставить рабу не только жизнь, но и всю его личную форму въ цѣлости, отнявъ у него, по общему правилу орудійной хитрости, только личную волю. Рабомъ завершилась система орудій; надъ рабомъ же стоитъ самъ хозяинъ, чей трудъ сводится теперь только къ руководству волею раба. Но и самое это руководство волею рабовъ человѣкъ потомъ возложилъ на другихъ рабовъ, такъ что постепенно образовалась многосоставная іерархія людей-орудій, чрезъ посредство которыхъ свободная воля хозяина направляетъ мускульныя усилія раба, совершенно такъ, какъ и рабъ осуществляетъ свои усилія чрезъ посредство многихъ соподчиненныхъ другъ другу матеріальныхъ орудій. Ядромъ всей этой сложной системы остается строгая тріада: хозяинъ, рабъ, орудіе; или иначе: свободный замыселъ о преобразованіи естества,—разумное орудіе, способное воспринять и исполнить этотъ замыселъ, — и орудіе полуразумное или вовсе неодушевленное, непосредственно преобразующее природу согласно этому замыслу.

II.

12.—Намъ никогда не узнать, какая тайная сила, какое предназначеніе изнутри понуждаетъ человѣка выѣдать тысячи верстъ лѣса и нѣдра земли, зарываться вглубь Африки и въ сердцевину металловъ, и безъ устали преображать естество. Производство вещей—то же питаніе; такъ же и здѣсь ставится цѣлью добыть изъ природнаго тѣла его родовыя силы и задержать ихъ въ своемъ временномъ

пользованіи. Но питаніе имѣетъ естественный предѣлъ: сытость, т.-е. самосохраненіе особи; человѣкъ же въ своемъ производствѣ не знаетъ границъ, — напротивъ, за предѣломъ животнаго самосохраненія его алчность разгарается чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй. Покорить часть природныхъ силъ, чтобы ими окрѣпнуть, чтобы обезпечить свое хрупкое существованіе—да, это нужно; тутъ понятна настойчивость воли. Но этимъ ли однимъ озабоченъ человѣкъ? Если бы цѣлью всѣхъ человѣческихъ стараній было только обезпечить жизнь, этотъ предѣлъ давно былъ бы достигнутъ равномѣрно для всѣхъ людей, и на землѣ наступило бы сытое довольство. На что человѣку лишняя добыча? Сколько бы онъ ни присвоилъ себѣ природныхъ силъ, его мощь не возрастетъ дальше положеннаго размѣра. Накопленное донынѣ богатство нисколько не удлинило нашей жизни: мы живемъ даже вѣроятно меньше, нежели дикари; наши мышцы дряблѣй, нашъ глазъ не такъ зорокъ; нашихъ богатствъ едва хватаетъ на то, чтобы снадобьями врачевать нажитыя болѣзни. Весь нашъ комфортъ не стòитъ и милліонной доли тѣхъ безмѣрныхъ напряженій, въ какихъ истощается человѣчество. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что за самыя вещи человѣкъ и не сталъ бы платить такъ дорого. Но, кажется, въ вещахъ онъ ищетъ другого.

13.—Все въ мірѣ существуетъ какъ личность, и каждая личность, подобно крупинкѣ радія, испускаетъ изъ себя во всѣ стороны несмѣтные заряды, какъ бы торпеды, на бóльшее или меньшее разстояніе вокругъ себя, смотря по роду своему. Кто попадаетъ въ кругъ ея дѣйствія, тотъ мгновенно подвергается обстрѣлу: въ него вонзается торпеда, чтò мы называемъ его воспріятіемъ. Торпеда же эта, исходящая изъ личности, представляетъ собою необозри-

мую іерархію соподчиненныхъ силъ, которыя всѣ заряжены неповторимымъ своеобразіемъ данной личности, но заряжены въ разной мѣрѣ и располагаются въ порядкѣ убывающей специфичности, черезъ семейство, видъ и родъ, до элементовъ едва окрашенныхъ, почти нейтральныхъ, какія присущи всякому бытію. Внѣдряясь въ другую личность, торпеда идетъ какъ разъ нейтральнымъ концомъ, предъявляя право всеобщаго родства. Таковъ неизмѣнный законъ воздѣйствія.

Итакъ, все сущее въ мірѣ совмѣщаетъ въ себѣ мужское и женское начала: внѣдреніе и воспріятіе. И вотъ, на низшей ступени тварь совершенно слѣпа. Личность безвольно, безцѣльно излучаетъ въ міръ неисчислимыми тучами стрѣлъ страстное движеніе своей безличной воли, и такъ же безвольно пріемлетъ въ себя чужіе заряды; изначально влюбленная, еще не знаетъ, кого любить, и слѣпо раскрываетъ объятія всему навстрѣчу.

Воспріятіе есть первая школа живой твари; Ева первая вкушаетъ отъ древа познанія. Соприродный зарядъ, внѣдряясь въ личность, измѣняетъ ея состояніе; и наступаетъ срокъ, когда въ этомъ вынужденномъ своемъ измѣненіи личность постигаетъ себя длительною, т.-е. подлинно-сущею; точно такъ же и дѣйствующую силу она познаетъ въ ея движеніи, какъ подлинно-сущую, притомъ какъ соприродную ей въ томъ плодоносномъ ядрѣ, которое та внѣдряетъ въ нее. Эти первыя три знанія суть вмѣстѣ съ тѣмъ функція; такъ зарождается нераздѣльная слiянность плоти и духа—чувствительная нервная система.

Но рабство длится еще; чувствующая личность все такъ же безвольна. Дальнѣйшимъ развитіемъ тварь выходитъ на путь свободы. Именно, въ долгомъ опытѣ воспріятій она привыкаетъ узнавать уже въ первыхъ, сравнительно-

нейтральныхъ элементахъ специфичность заряда и научается, руководясь этимъ чутьемъ, выбирать среди осаждающихъ ее зарядовъ. Отнынѣ личность наполовину свободна: она допускаетъ внутрь себя только тѣ заряды, которые несутъ ей ядро, плодоносное въ ней, остальные отталкиваетъ; воспріятіе раздваивается на питаніе и оборону. Это новое функціональное знаніе есть способность, заглатывая нейтральныя частицы заряда, предузнавать по нимъ ядро, иначе говоря, умозаключать по сопутствію признаковъ. Но такое умозрѣніе невозможно въ предѣлахъ единичнаго; очевидно, тварь уже познала въ опытѣ сверхличную, родовую субстанцію вещей, какъ постоянное сосуществованіе признаковъ, т.-е. познала закономѣрность и своего, и всякаго чужого бытія. А разъ оба закономѣрны, то оба и равноправны. Итакъ, въ актахъ питанія и отталкиванья личность осуществляетъ сразу три старыхъ своихъ познанія и три новыхъ, утверждаетъ себя и міръ не только реальными и однородными, но также закономѣрными и равноправными. Такъ зарождается двигательная нервная система, и въ ней заодно разумъ и воля. Оба поистинѣ рождаются вмѣстѣ, и орудіе ихъ навсегда—заключеніе по аналогіи, что̀ есть отвлеченіе.

Въ произвольномъ выборѣ—полусвобода. Оборона навсегда остается такою, но питаніе ведетъ дальше, къ свободѣ. Ибо въ навыкѣ обороны тварь постепенно научается отступать отъ враждебнаго заряда, двигаться назадъ и въ стороны. Двигаясь и натыкаясь, она познаетъ многое; вновь обрѣтенная способность цѣлесообразнаго движенія постепенно расширяетъ сферу питанія: личность уже не ждетъ питательныхъ воспріятій—она сама начинаетъ искать ихъ; она входитъ въ безчисленные круги обстрѣловъ и, чутьемъ узнавая по слабой окраскѣ родовую содержимость

встрѣчныхъ зарядовъ, пріемлетъ лишь нужные. Такъ все точнѣе познается и тожество однородныхъ личностей, и постоянство собственнаго бытія, и закономѣрность своего отношенія къ нимъ. И дальше, узнавъ въ опытѣ свой питательный родъ, тварь научается уже не бродить по міру наудачу, а устремляться цѣлесообразно въ сферу нужныхъ ей родовыхъ обстрѣловъ и глотать заряды увѣренно; она пріобрѣла свободу воспріятій, пассивную свободу. Такова женская исторія твари. Нѣкогда воспріятіе было насиліемъ надъ личностью, теперь личность сама идетъ къ любимымъ и пріемлетъ сѣмя по своему избранію.

Но личность также мужъ изначально, ибо непрестаннымъ разряженіемъ своимъ обсѣменяетъ міръ. Каждый личный зарядъ содержитъ въ себѣ родовое ядро, зародышъ. Въ началѣ личность слѣпо сѣетъ окрестъ, яростно сѣетъ заряды, сама не зная куда: на камни, въ пучину, лишь случайно въ матернее лоно. Она не знаетъ, кто ей плодоносенъ, кого она хочетъ любить. Только питаніе научаетъ тварь узнавать роды существъ; и личность, для воспріятія приближаясь къ другимъ, но и сама обсѣменяя ихъ, научается узнавать свой плодоносный родъ въ единичныхъ личностяхъ; отвлеченіемъ она достигаетъ активной, мужской свободы,—сознанія своей власти надъ міромъ.

Наконецъ высшее свое состояніе личность обрѣтаетъ въ трудѣ, потому что въ трудѣ сочетаются мужская и женская свобода. Трудиться—значитъ самовластно внѣдрять свой личный зарядъ въ другую личность такъ, чтобы она, измѣнившись внутренно, выслала мнѣ въ отвѣтъ зарядъ питательный для меня. Трудъ мужественъ, цѣль труда женственна; трудящійся мужской силой своею оплодотворяетъ женское естество чужой личности, чтобы сынъ, рождаемый ею, обратно оплодотворилъ его самого.

нужнымъ воспріятіемъ, какъ женщину. И такъ какъ цѣль труда—создать опредѣленное воспріятіе, то трудъ неизбѣжно основанъ на отвлеченномъ знаніи—на познаніи обоюдной родовой закономѣрности; трудящійся, чтобы получить желаемый эффектъ, долженъ знать и родовую особенность своего заряда, и специфическую плодоносность матерней силы.

Такъ изъ воспріятія развилось питаніе, изъ питанія трудъ, и трудъ включаетъ въ себя питаніе и воспріятіе, какъ свои меньшіе концентрическіе круги. Трудъ есть только цѣлесообразное питаніе, или, что то же, произвольное творчество воспріятій. Воспріятіе—рабство, питаніе—полусвобода, трудъ—свобода, т.-е. господство надъ міромъ. Невѣрно сказать, что въ началѣ было Слово; и невѣрно сказать, что въ началѣ было дѣйствіе; но истинно жизнь началась воспріятіемъ, изъ воспріятія родилось родовое представленіе, изъ него—слово и дѣйствіе.

14.—Жизнь въ существѣ своемъ — непрерывный потокъ воспріятій; міръ непрестанно вторгается въ единичную тварь, питая или разрушая ее. Низшія созданія пассивно воспринимаютъ міровые заряды, высшія умѣютъ сами выбирать питательные и отклонять пагубные, но только человѣкъ научился цѣлесообразно внѣдряться въ вещи и измѣнять ихъ такъ, чтобы получать отъ нихъ нужныя ему воспріятія. Такъ разумъ сочетаетъ женское и мужское начала въ единство; но женское начало первородно въ человѣкѣ и навсегда основное, мужское же производно и служебно. Малѣйшее воспріятіе безвозвратно измѣняетъ тварь; и такъ какъ жизнь есть непрерывный потокъ воспріятій, то тварь преображается неустанно. Поэтому нормальная жизнь человѣка есть перемежающійся рядъ воспріятій и внѣдреній, гдѣ изъ предшествующаго опыта

воспріятій рождается замыселъ внѣдренія съ цѣлью стяжать высшее воспріятіе; и вся культура — не что иное, какъ цѣлесообразное творчество воспріятій. Человѣкъ хочетъ не создавать, а ощущать; только ради высшаго предвкушаемаго ощущенія онъ принужденъ создавать; и радость его—только въ воспріятіи и въ надеждѣ на воспріятіе, творчество же, усиліе, трудъ—проклятіе человѣка, щедро оплачиваемая неволя. Воспріятіе предшествуетъ творчеству, ставитъ ему цѣль, пока только мечтаемую; творчество слѣдуетъ за воспріятіемъ, почему и сказано: Das Ewig-Weibliche zieht uns hinan. Оттого наука, которая есть упорядоченное воспріятіе, идетъ впереди, указуя путь упорядоченному внѣдренію — техникѣ.

15.—Трудъ—наивысшее самоутвержденіе человѣка, ибо въ трудѣ личность преднамѣренно насилуетъ всякую другую личность. Подсмотрѣвъ у природы орудійную хитрость и научившись примѣнять ее, человѣкъ въ ней, въ этой хитрости, нашелъ универсальное средство порабощенія. Съ тѣхъ поръ какъ природныя тѣла стали сами покорять другъ друга по его предначертанію, его мощь безмѣрно возрасла; и постепенно онъ утверждался въ сознаніи своего неограниченнаго могущества надъ естественнымъ міромъ. Трудъ — его третья, наивысшая школа. Только въ технической дѣятельности онъ ежеминутно почерпаетъ увѣренность, что и самъ онъ реаленъ, что реаленъ и міръ, и что онъ способенъ по своему произволу входить въ міръ и присвоивать его себѣ.

Какъ видно, человѣку дороже покоя и жизни — непрерывно ощущать свою власть надъ міромъ, знать себя не игралищемъ стихійныхъ силъ, а самозаконнымъ и старшимъ между ними. Онъ все же въ ихъ власти и, конечно, всегда будетъ покоренъ имъ, но въ маломъ кругѣ, сопре-

дѣльномъ ему, онъ можетъ утверждать свое господство надъ ними. Покорить природу—смѣшныя слова! Природа безпредѣльна вширь и вглубь; наша власть простирается только на самую малую часть ея, притомъ — лишь въ самую малую глубину. Какихъ бы успѣховъ ни достигли съ вѣками наука и техника,—онѣ не овладѣютъ ни круговращеніемъ земли, ни даже направленіемъ комаринаго полета, и всѣ ихъ завоеванія—жалкій обрывокъ неизмѣримаго цѣлаго, песчинка отъ Чимборазо. Но пусть владычество надъ природой лишь самообманъ: видно, не можетъ человѣкъ не желать. И кто знаетъ, въ этой пожирающей жаждѣ власти не руководитъ ли человѣкомъ нѣкое тайное знаніе? Не почуялъ ли онъ въ стихіяхъ готовность и радость служить ему, и безсознательно слѣдуетъ голосу своей царственной крови? Какъ юный царь среди буйныхъ слугъ отца, онъ преданъ на ихъ волю, но и онъ знаетъ ихъ рабами, а себя рожденнымъ для власти, и они, встрѣчаясь съ нимъ въ одиночку лицомъ къ лицу, смущенно опускаютъ глаза предъ его непреклоннымъ взоромъ.

16.—Не рукотворныя вещи нужны человѣку, а самосознаніе своего господства надъ внѣшнимъ міромъ; не для комфорта несетъ онъ великіе труды, но для того, чтобы ощущать свою власть и ежеминутно видѣть ее возрастающей. Въ каждомъ своемъ техническомъ дѣйствіи онъ говоритъ природному созданію: „Ты не реально въ цѣломъ; реальна въ тебѣ только та частица, которая единородна мнѣ, все же остальное въ тебѣ—призракъ; своé я по праву возьму изъ тебя, а все остальное обращу въ прахъ, чтобы доказать себѣ и тебѣ, что оно дѣйствительно прахъ“; и, сказавъ, онъ дѣлаетъ такъ, и на опытѣ убѣждается въ своей правотѣ. Его побѣды надъ природою

дороги ему уже не какъ добыча, а какъ символъ. Животное тоже утверждаетъ свою частичную мощь надъ природой, питаясь; но оно ограничено издревле неизмѣнною сферою власти, человѣкъ же нудится расширять свою державу въ каждое мгновеніе за всякій достигнутый предѣлъ. Вотъ почему онъ творитъ безъ отдыха, зарываясь все глубже въ глубь пустынь и въ нѣдра вещества.

17.—Но еще и другому творчество учитъ человѣка. Только въ своихъ созданіяхъ человѣкъ узнаéтъ, чтó онъ есть. Ибо самъ онъ для своего разума—та же природа, темная стихія. Сила, которая въ насъ,—чего она хочетъ и что она можетъ? Намъ не узнать этого иначе, какъ по ея проявленіямъ; всякое другое самопознаніе, непосредственное, остается смутной догадкой, которую только опытъ можетъ превратить въ увѣренность. Создавъ вещь, человѣкъ съ жаднымъ удивленіемъ оглядываетъ свое созданіе: „Такъ это—я?“ Его побуждала къ творчеству безотчетная потребность осуществить себя и увидѣть себя, или иначе—внутреннее свое сдѣлать для себя объектомъ.

III.

18.—Потому что, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ существъ, человѣкъ одаренъ двойнымъ зрѣніемъ и живетъ сразу въ двухъ мірахъ. Уже звѣрь въ своей добычѣ, хотя смутно, но увѣренно, познаетъ сверхличную, родовую субстанцію. Человѣкъ достигъ полноты раздвоенія: пребывая, онъ воспринимаетъ явленія въ ихъ индивидуальной цѣлости; дѣйствуя, онъ сквозь единичную форму воспринимаетъ родовое ядро. Орудійность покоится на отвлеченіи. Всякое дѣйствіе въ мірѣ есть воздѣйствіе на міръ,

а воздѣйствовать значитъ использовать общую энергію, замкнутую въ единичномъ. Поэтому взоръ дѣйствующаго безотчетно прободаетъ оболочку явленія и улавливаетъ только его содержимое, тогда какъ безкорыстный взоръ объемлетъ именно личную форму, ее лелѣетъ и освящаетъ. Но заблужденіе думать, что личная форма, какъ непроницаемая преграда, задерживаетъ воспріятіе и поглощаетъ его. Сквозь личную форму, какъ сквозь магическій кристаллъ, взору открывается безпредѣльная даль; въ безкорыстномъ воспріятіи духъ непосредственно общается съ цѣлостнымъ бытіемъ, и чѣмъ отчетливѣе созерцаніе единичнаго, тѣмъ ярче предстаетъ духу слитный, нераздѣльный, непознаваемый разумомъ образъ дѣйствительности. Напротивъ, орудійное воспріятіе безконечно бѣднѣе; оно насыщается тотчасъ, какъ только уловитъ въ необозримо-сложномъ содержаніи единичнаго — объектъ своей корысти, искомую родовую силу. Тогда мгновенно вспыхиваетъ ярость желанія; взоръ, устремленный на предметъ желанія, слѣпнетъ на все остальное, и явленіе предстоитъ духу уже не какъ волшебное зеркало, а какъ непокорная данность, которая должна быть побѣждена. Поэтому между непосредственнымъ воспріятіемъ и воспріятіемъ дѣйственнымъ нѣтъ качественнаго различія, въ чемъ и обнаруживается единство человѣческаго существа. Непосредственное воспріятіе открываетъ безграничную перспективу, въ которой однако даже ближайшая пядь не видна раздѣльно; напротивъ, дѣйственному воспріятію видна за конкретнымъ именно только одна ближайшая пядь, но зато съ полной отчетливостью. Созерцая безкорыстно, человѣкъ провидитъ міръ въ его предѣльномъ совершенствѣ, а дѣйствуя онъ осязательно нащупываетъ каждую послѣдующую ступень и увѣренно идетъ къ этому совершенству.

19.—Міръ не мертвъ, но живъ, не конченъ и поставленъ на мѣсто, а только начатъ какъ цѣлое и непрерывно растетъ эволюціей всѣхъ отдѣльныхъ созданій. Какъ въ почкѣ невидимо и непреложно начертанъ планъ цвѣтка и плода, такъ въ мірозданіи отъ вѣка заложенъ планъ его предѣльнаго строя. Низшая тварь не догадывается о своемъ служеніи: она безотчетно осуществляетъ тотъ планъ химическимъ измѣненіемъ своего вещества и закономѣрностью своихъ инстинктовъ. Только человѣкъ, одинъ изъ всѣхъ существъ, знаетъ міръ и себя неоконченными. Міръ растетъ, измѣняясь, и потому явленіе — только личина: такъ обличаетъ человѣкъ ложь воплощеннаго міра и запредѣльную правду. Сквозь насущную дѣйствительность ему просвѣчиваетъ зыбкое видѣніе иной дѣйствительности—подлинной; міру видимому и осязаемому, міру раздѣльному въ его душѣ противостоитъ цѣлостный образъ лучшаго міра, не воплощенный, но неизбѣжно долженствующій воплотиться. Въ каждой человѣческой душѣ есть образъ совершенства, полный и тожественный у всѣхъ, и люди разнятся другъ отъ друга только размѣрами его освѣщенной части. Этотъ образъ въ полнотѣ своей не можетъ быть мыслимъ, но, невидимый самъ, онъ одинъ приводитъ въ движеніе человѣческую волю, одинъ внушаетъ идеалы, диктуетъ желанія и опредѣляетъ оцѣнки. Поскольку человѣкъ ощущаетъ его цѣликомъ, единый образъ воспринимается имъ въ трехъ видахъ: какъ образъ своего лучшаго „я“, какъ образъ лучшаго міра, и какъ образъ своего лучшаго положенія въ мірѣ. Во всѣхъ этихъ трехъ формахъ образъ совершенства освѣщается сознаніемъ только частично, въ силу контраста съ раздѣльной дѣйствительностью, какъ бы вспыхивая гнѣвомъ на самозванство явленія, выдающаго себя за абсолютъ.

20.—Всякое творчество есть осуществленіе идеальнаго образа, предсуществующаго ему въ творцѣ. Нашему взору ничто не предстаетъ какъ послѣдній рубежъ, но въ дѣйствительномъ мы всегда провидимъ должное. Созерцая реальную вещь, человѣкъ въ своемъ духѣ одновременно воспринимаетъ два образа: одинъ,—какъ бы зеркальное отраженіе вещи въ духѣ, образъ отчетливый во всѣхъ подробностяхъ и вѣрный, но не вызывающій никакого движенія въ духѣ, подобно тому, какъ отраженіе ветлы въ рѣкѣ не волнуетъ рѣчной глади; и другой, зыбкій и смутный, но возбуждающій чувство. Человѣкъ не властенъ сдѣлать такъ, чтобы въ его душѣ не возникъ идеальный образъ созерцаемой вещи: образъ возникаетъ самопроизвольно и неизбѣжно. И такъ какъ мы ежеминутно соприкасаемся съ безчисленными реальностями, то въ насъ ежеминутно раждаются безчисленные идеальные образы, но въ большинствѣ столь блѣдные, что мы вовсе не сознаемъ ихъ.

21.—Если бы духовный взоръ человѣка былъ достаточно зорокъ, если бы идеальные образы предстояли ему такъ-же отчетливо и ясно, какъ видимая вещь предстоитъ тѣлесному оку,—ничто не нудило бы волю къ воплощенію ихъ, и творчества не было бы вовсе. Но образъ совершенства едва свѣтится въ душѣ; тусклы видѣнія нашего духа: вспыхнутъ въ туманѣ и влекутъ неотразимо, но терзаютъ взволнованный духъ сомнѣніемъ и неясностью своихъ очертаній. Вижу, Господи, но вижу ли подлинно? не ложный ли призракъ мерещится мнѣ? И что́ именно вижу? Сердце трепещетъ отъ радости, лечу навстрѣчу чудному гостю, но дай мнѣ осязать его, чтобы узнать и повѣрить!—И обреченъ человѣкъ близорукостью духовной и невѣріемъ своимъ творить въ матеріи; долженъ обле-

кать мечту свою въ вещество, чтобы чувственно удостовѣриться въ ея реальности и чтобы еще отъ братьевъ своихъ, вѣрящихъ, какъ и онъ, лишь тѣлесному опыту, услыхать подтвержденіе ей.

22.—Но въ самой близорукости духа есть ступени, и человѣкъ разнится отъ человѣка сравнительной яркостью своихъ видѣній; и въ тусклости самихъ видѣній есть различія силы. Здѣсь дѣйствуетъ тотъ же законъ, какому подчинены наши внѣшнія чувства. Подобно тому, какъ звукъ ниже опредѣленной высоты не внятенъ нашему слуху, такъ идеальный образъ, лишь достигнувъ извѣстной яркости, становится доступнымъ сознанію; и какъ внѣшнее раздраженіе, усилившись чрезмѣрно, причиняетъ боль, такъ и внутреннее воспріятіе, т.-е. воспріятіе идеальнаго образа, имѣетъ свою границу боли.

23.—Идеальный образъ, достаточно яркій, приводитъ въ движеніе сознаніе и волю. Онъ предстоитъ имъ, какъ приговоръ, вынесенный тайнымъ судилищемъ и подлежащій неуклонному исполненію; онъ предстоитъ имъ какъ цѣль. Поэтому надо строго различать между цѣлью и цѣлесообразностью. Цѣль человѣка, какъ бы она ни была мала, всегда запредѣльна, всегда воображаема, цѣлесообразность же влачится чревомъ во прахѣ: она — не что иное, какъ познанная причинность. Пристально вглядѣвшись въ свой идеальный образъ, человѣкъ мысленно сооружаетъ какъ бы призрачную лѣстницу отъ витающаго въ пространствѣ туманнаго образа до твердой земли,—не реальную лѣстницу, но лишь воздушный чертежъ ея, можетъ быть ошибочный,—чтобы затѣмъ на дѣлѣ строить ее въ обратномъ порядкѣ, начиная съ твердой земли. Каждая ступень, какую онъ укладываетъ, подвигаясь вверхъ, есть уже раньше покоренная сила природы; це-

ментъ, скрѣпляющій ступень со ступенью, есть дознанная въ опытѣ причинная связь. Такъ звенья цѣлесообразности всѣ реальны, но ея направленіе идеально, и въ своей двойственности она равно принадлежитъ и горнему, и дольнему міру. Вотъ почему знаніе причинностей есть основа всякаго творчества. Цѣлостный образъ совершенства осуществляется по частямъ, не иначе, какъ съ помощью науки.

24.—Чѣмъ ярче вспыхнулъ идеальный образъ, тѣмъ глубже разрывъ въ душѣ; тогда человѣкъ стремится возстановить единство своего раздвоившагося сознанія. Предъ нимъ двойственная задача: необходимо разоблачить лживость реальнаго образа и воплотить образъ вѣруемый; а для этого надо разбить въ дребезги конкретный образъ, чтобы, уничтоживъ его, доказать самому себѣ его подлинную призрачность, и надо изъ отдѣльныхъ частей реальной вещи создать новую реальную вещь по той идеальной модели, чтобы перевести вѣруемый образъ изъ вѣроятія въ дѣйствительность и тѣмъ удостовѣриться въ его реальности. Такъ творчество возстановляетъ единство сознанія; оттого мигъ созданія — мигъ радости и успокоенія. Но только мигъ; потому что, едва воплотившись въ чувственной формѣ, идеальный образъ — уже вещь, предметъ созерцанія, и созерцая его, какимъ онъ сталъ во-внѣ, человѣкъ уже снова провидитъ лучшее; и снова раждается въ душѣ идеальный образъ, но высшій, и опять, воплощенный, онъ оказывается обманомъ, и такъ безъ конца. Вотъ почему человѣкъ обреченъ творить непрерывно. Ибо все, что доступно внѣшнимъ чувствамъ, тѣмъ самымъ разоблачается какъ пребывающее еще во внѣшней сферѣ бытія, т.-е. какъ ложь, и потому подлежитъ смерти; вѣчная же жизнь принадлежитъ только полнотѣ

истины, образу совершенства, объемлющему несчетные круги убывающей чувственной достовѣрности. Творчество людское—постепенно воплощаемый образъ совершенства; отдѣльныя созданія человѣка суть частичныя выявленія его духа. Въ каждомъ творческомъ усиліи, какъ бы оно ни было ничтожно, человѣкъ выражаетъ себя сполна, отъ своихъ животныхъ корней до небесныхъ алканій, потому что въ каждомъ дѣйствіи совмѣщены и конкретная потребность дѣйствующаго, и ею сказавшаяся воля его, и направляющій волю образъ совершенства.

V.

25.—Ровно, какъ океанъ, и безбрежно раскинулась природная жизнь,—живетъ, тянется въ ростѣ, играетъ и никнетъ, вся насквозь пульсируетъ миріадами жилъ, переливается изъ созданія въ созданіе, и, какъ океанъ же, всю себя держитъ въ собственной власти. Несчетные частные законы въ безконечныхъ іерархіяхъ соподчинены другъ другу, и всѣ по ступенямъ—одному, который связываетъ вселенную въ единый узелъ, всѣ непреложные, неизмѣнные до конца временъ. Ни одному созданію—даже тѣни свободы, ни одной живой твари—даже намека на смыслъ ея невольнаго существованія, но каждое дыханіе и каждый атомъ покорно совершаютъ предъуказанное имъ дѣло въ общемъ трудѣ. Мысль цѣпенѣетъ предъ безъисходностью бытія; отъ яркой дневной поверхности до темнаго дна здѣсь все — стихія и рокъ. Міръ предстоитъ намъ, какъ независящій отъ нашей воли, какъ царство естественной необходимости. Это царство—природа, и въ ея составѣ—также человѣческій духъ. Земля и воздухъ, воля

ближняго моего и страсть, родившаяся во мнѣ самомъ,— равно природа и рокъ.

26.—Но внутри стихійнаго міра, его же силами, изъ его же частицъ, мы воздвигли міръ человѣчески-разумный, міръ цѣлесообразный и замкнутый. Въ природѣ все разсчитано на нужды цѣлаго, которыя безпредѣльно сложны; въ нашемъ мірѣ все разсчитано себялюбиво только на наши сравнительно-простыя нужды; оттого природа въ каждомъ своемъ явленіи должна учитывать несмѣтныя цѣли, наша же цѣлесообразность несложна и стройна. Въ нашемъ мірѣ безъ сравненія меньше расточительности и противодѣйствій; въ нашемъ мірѣ господствуютъ мѣра, симметрія и соразмѣрность.

27.—Въ нѣдрахъ природы, самъ ея порожденіе, человѣкъ создалъ себѣ царство свободы, какъ бы твердый островъ на зыбкой пучинѣ морской. Источникъ его свободы—вѣчная тайна. Въ цѣломъ подвластный стихіи, онъ въ частяхъ повелѣваетъ ей властью, ею же взращенной въ немъ, властью разума, который—только его частный динамическій законъ въ связномъ единствѣ міровыхъ законовъ. Какъ можетъ быть подчиненная воля свободна? Свободы въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть, ибо все обречено служенію; и все-же человѣкъ какъ-то свободенъ, хотя и въ безконечно-маломъ кругѣ. Его разумъ, какъ рѣчная лилія, корнями недвижно питается изъ нѣдръ, а вершиною такъ свободенъ, какъ не свободны ни цвѣтъ лиліи, ни вѣтеръ, ни звѣрь, но только разумъ человѣка.

28.—Въ мірѣ нѣтъ свободы, но нѣтъ и рабства нигдѣ, а есть только внутренняя принудительность, потому что въ каждомъ созданіи внѣшній законъ его бытія есть вмѣстѣ законъ его воли; ничто не толкается извнѣ, но все извнутри движется по предначертаннымъ путямъ. Ради

своей относительной свободы человѣкъ первый создалъ въ мірѣ абсолютное рабство, принудительность внѣшнюю, и это собственно и есть его единственное открытіе. Онъ изобрѣлъ послѣ Бога новую форму существованія, и на ней основалъ свою державу. Божій міръ движется имманентной необходимостью, въ которой погашена противоположность рабства и свободы, міръ человѣческій держится внѣшнимъ принужденіемъ, которое есть чистое рабство. Строгое равновѣсіе царитъ въ Божьемъ мірѣ, ненарушимо въ пространствѣ взвѣшены свѣтила,—одинъ только человѣкъ перешагнулъ рубежъ, чтобы безпредѣльно расширять свою свободу въ ущербъ свободѣ другихъ созданій. Волкъ, одолѣвъ ягненка, именно своей побѣдою удостовѣряетъ свое право на убійство и добычу, потому что его право питаться, т.-е. жить, должно быть каждый разъ съизнова доказано побѣдою. Другими словами, его жизнь протекаетъ въ замкнутомъ кругѣ, гдѣ побѣды и питаніе взаимно обусловливаютъ другъ друга: сколько онъ способенъ побѣдить, столько онъ съѣстъ, и сколько съѣстъ, настолько будетъ силенъ для дальнѣйшей побѣды. Но человѣкъ разорвалъ кругъ. Движимый высшею волею, онъ изобрѣлъ состояніе, какого высшая воля нигдѣ не создала, а только едва намѣтила,—состояніе орудія, и чрезъ безконечную связь орудій утвердилъ свое господство надъ тварью. Собственно-человѣческое дѣйствіе въ мірѣ—порабощеніе. И положеніе человѣка въ мірѣ всецѣло опредѣляется его орудійнымъ искусствомъ.

29.—Человѣкъ сталъ царемъ земли и во многомъ упрочилъ свое существованіе, но за исключительный свой удѣлъ онъ платитъ дорогой цѣною, какъ тотъ, кто волею господина возвышенъ изъ среды рабовъ въ надсмотрщики ихъ. Три казни терпитъ на землѣ человѣкъ-поработитель,

неизвѣстныя прочимъ созданіямъ. Первая казнь его—отчужденность отъ земной твари. Было время, когда онъ жилъ среди нея, какъ равный среди равныхъ; онъ узнавалъ ихъ въ лицо, потому что только и зналъ ихъ, какъ личности,—съ одними дружилъ, враждовалъ съ другими, и голосъ ихъ желаній былъ ему внятенъ. Теперь онъ одинъ, одинъ. Онъ давно забылъ родной языкъ, вокругъ него—не лица, но лишь экземпляры видовъ и родовъ. Онъ радъ бы хоть на часъ снова окунуться въ родную стихію, но въ его глазахъ неугасимо горятъ жадность и насиліе, и застятъ ему взоръ: ему уже не разглядѣть въ этомъ дубѣ его неповторимаго лица, а четвероногій братъ въ ужасѣ шарахнется, обожженный привычно-корыстнымъ огнемъ его взгляда. Не такъ бѣжитъ ягненокъ отъ волка, ибо самой враждою между ними взаимно почтена святыня личности. Волкъ не до конца знаетъ ягненка ягненкомъ вообще,—онъ знаетъ вотъ этого, вмѣстѣ и личность, и родъ ея; и такъ же ягненокъ. Здѣсь только ужасъ обреченности, но нѣтъ униженія. Человѣкъ нападаетъ безъ личной ненависти, онъ видитъ въ твари только ея родъ, что̀ для жертвы—обида тягчайшая смерти. Такъ человѣкъ порвалъ связь родства и сдѣлался одинокъ среди природы. Скучно ему и страшно смотрѣть извнѣ на отчужденный отчій міръ; тамъ—своя жизнь, такая глубокая, полная, дружная въ самой враждѣ; тамъ мудрость. Эту мудрость и онъ впиталъ нѣкогда; ею онъ живъ и сейчасъ,—но запасъ ея все больше скудѣетъ. Холодно въ сердцѣ и слишкомъ ясно въ умѣ; это—первая казнь.

30.—Изобрѣвъ насиліе и вкусивъ опьяняющей власти, онъ въ долгой практикѣ незамѣтно простеръ свой орудійный методъ и на ближнихъ своихъ,—на самого себя. Труднѣе было на камняхъ и деревьяхъ научиться приру-

ченію звѣрей, чѣмъ на звѣряхъ научиться порабощенію людей. Самъ себя перехитривъ своей хитростью, сталъ рабомъ человѣка свободный человѣкъ; такъ искусился въ ловитвѣ, что не устоялъ поймать въ сѣть самого себя. И къ одиночеству среди низшей твари прибавилась отчужденность отъ людей: хозяинъ хозяину—соперникъ, рабу—насильникъ, и рабъ обоимъ—врагъ. Это—его вторая кара.

31.—Всѣхъ горше третій недугъ, какимъ заразилъ человѣка долгій опытъ порабощеній. Предстоя насильникомъ всему живому, привыкнувъ всякую личность превращать въ орудіе—даже человѣческую личность, онъ кончилъ тѣмъ, что разучился видѣть въ мірѣ какую бы то ни было самозаконность, ибо, гдѣ онъ ни встрѣчалъ ее, если только онъ могъ досягнуть, его воздѣйствіе тотчасъ обличало ее какъ мнимую. Оставался онъ одинъ, человѣкъ; не весь человѣкъ, потому что рабъ видѣлъ и себя, какъ всю тварь, орудіемъ; оставался только свободный человѣкъ, хозяинъ, потому что онъ одинъ не зналъ надъ собою внѣшняго принужденія. Но могъ ли онъ *себя* признать самоцѣлью? Была едва одна ночь, когда, покоривъ доступный кругъ созданій и въ томъ числѣ—самого человѣка, хозяинъ почилъ отъ насилій въ гордомъ сознаніи своей свободы. Онъ мыслилъ: „на̀ утро я прикажу имъ, что̀ захочу“. Но вотъ настало вожделѣнное утро; что̀ это? „Я хочу“ оказалось ничѣмъ инымъ, какъ „я не могу не хотѣть“. Оказалось, что я могу повелѣть рабамъ только то, что̀ долженъ повелѣть; чья-то воля властно велитъ моей волѣ,—горе мнѣ! я самъ рабъ!—Тогда въ мигъ померкаетъ очарованіе власти, и не радъ человѣкъ своему достоянію, потому что ощутилъ въ самомъ себѣ непреложный законъ. Отравленный своимъ орудійнымъ опытомъ, онъ, взглянувъ на самого себя, узналъ въ себѣ то

же, чѣмъ издавна стали для него всѣ созданія,—орудіе, а не самоцѣль. И смертная горечь разлилась въ человѣческомъ сердцѣ. „Ты, сильный, ты, жестокій, я не хочу твоей власти надо мною! Ты далъ мнѣ вкусить господства, но я увидалъ, что оно подневольно; зачѣмъ ты мучаешь меня? Ты велѣлъ мнѣ жить и ведешь меня по разнымъ путямъ, но призваніе мое держишь въ тайнѣ. Не ты-ли взрастилъ мой разумъ, ставящій цѣли?—смотри же, какъ онъ томится, не зная цѣли своего собственнаго бытія! И если ужъ такъ надо, зачѣмъ ты по крайней мѣрѣ не ведешь меня прямой дорогой, какъ злакъ или улитку, а даешь мнѣ блуждать вкривь и вкось, и потомъ взыскиваешь на мнѣ мои заблужденія? На что мнѣ эта свобода въ маломъ, когда весь я въ твоей рукѣ? на что мнѣ мыслящій разумъ, чтобы понимать мою обиду?“

Эти три казни—три развилины одного ядовитаго корня, питающаго многовѣтвистый Анчаръ. Его породила самая почва производства, которая своими соками непрерывно отравляетъ человѣческій духъ.

32.—Три казни современной культуры совмѣстно коренятся въ орудійности производства. Орудійный методъ по самому своему понятію есть методъ использованія въ частномъ—его родовыхъ свойствъ, т.-е. методъ погашенія частной самобытности. Поэтому орудійность въ корнѣ отрицаетъ все личное, однократное. Въ производствѣ человѣкъ научается цѣнить недѣлимое только какъ вмѣстилище нѣкоторыхъ общихъ силъ, и совершенно разучивается созерцать его какъ личность. Другими словами, производство упраздняетъ отношеніе человѣка къ природному созданію, какъ цѣлаго къ цѣлому, и ставитъ на его мѣсто совсѣмъ другое отношеніе — безусловно-связанной индивидуальной цѣлости къ условно-связанной совокупности безъименныхъ

частей. Отношеніе лица къ лицу есть любовь или ненависть; характеръ производства — совершенное равнодушіе, такъ какъ оно пренебрегаетъ своеобразіемъ единичной особи. Только въ первомъ актѣ производства—въ разрушеніи природной формы естественныхъ тѣлъ — еще до нѣкоторой степени присутствуетъ личное отношеніе, именно отношеніе вражды, поскольку личная форма тѣла, ограждая скрытую субстанцію отъ посягательствъ, противится вторженію человѣка; но съ этимъ дѣйствіемъ личное отношеніе прекращается.

33.— Очевидно, что въ долгой школѣ производства человѣкъ мало-по-малу отучался постигать явленія непосредственно. Природная форма представлялась ему только ненужной, досадной скорлупой; чѣмъ болѣе глазъ изощрялся пронизывать внѣшнюю оболочку явленія и видѣть сквозь нее заключенное внутри питательное ядро, тѣмъ болѣе онъ отвыкалъ распознавать черты личнаго своеобразія. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ втягивался въ производство, росла его слѣпота на единичное въ природѣ, такъ что современному человѣку міръ предстоитъ уже не какъ четкая звѣздность раздѣльныхъ формъ, а какъ слитная текучесть родовыхъ энергій, какъ-бы сѣрая пелена, сквозь которую смутно мерещится хороводъ явленій. У насъ одни лишь художники еще умѣютъ видѣть единичное. Дикарь такъ же хорошо, какъ мы, знаетъ тожество однородныхъ явленій; по книгѣ Бытія уже первый человѣкъ далъ земнымъ тварямъ имена по роду ихъ, т.-е. имена собирательныя. Но покуда человѣкъ умѣлъ соединить въ группы только малую часть созданій, весь остальной міръ оставался для него лично-раздѣльнымъ. И потому въ сознаніи дикаря элементъ личнаго своеобразія еще далеко преобладаетъ надъ элементомъ сверх-личнаго тожества. Ди

карь едва можетъ представить себѣ что-либо, какъ совершенно безличное. Для него рѣка или роща не суть une rivière или une forêt, т.-е. экземпляры родовъ, а непремѣнно — эта рѣка, эта роща, единственныя въ мірѣ, имѣющія каждая свой личный Духъ. Разбивъ ногу о камень, онъ бьетъ камень, какъ личнаго виновника своей боли; даже вещь, сдѣланную его собственными руками, онъ еще чтитъ, какъ личность,— приноситъ жертвы своему топору, своей ручной мельницѣ, какъ до сихъ поръ дѣлаютъ туземцы въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи. Намъ необозримая множественность явленій представляется собранной въ группы, и каждое отдѣльное явленіе въ нашихъ глазахъ—безразличный членъ опредѣленнаго единства. Личныя названія, сохраненныя нами,—названія рѣкъ, горъ, долинъ, городовъ и пр.,—пережитки далекой старины; мы, люди 20-го вѣка, могли бы почти такъ же удобно довольствоваться любыми условными знаками, какъ въ новѣйшихъ городахъ Запада улицы уже и обозначаются цифрами или буквами.

V.

34.— Какъ непосредственное воспріятіе есть источникъ нашего существеннаго знанія о мірѣ, такъ воспріятіе корыстное, дѣйственное, орудійное доставляетъ намъ матеріалъ для отвлеченнаго знанія. На отвлеченномъ знаніи основанъ всякій дѣйственный разсчетъ. Оно справедливо называется отвлеченнымъ, потому что его задача — совлекать конкретныя формы и тѣмъ обнажать родовыя свойства; или иначе: его методъ — отвлекаться отъ своеобразія единичныхъ тѣлъ. Все въ мірѣ существуетъ индивидуально, а индивидуальное, пока оно остается такимъ,

недоступно никакому воздѣйствію, такъ какъ оно именно своей личной формой вплетено въ общую ткань вселенной и составляетъ съ нею одно. Сотворенное довлѣетъ себѣ и міру; оно въ подлинномъ смыслѣ слова неприкосновенно. Но сама природа создаетъ свои единичныя формы изъ сравнительно-немногихъ основныхъ элементовъ, соединяя послѣдніе въ безконечно-разнообразныхъ сочетаніяхъ. Стòитъ человѣку только обнажить эти элементы, развязать узелъ, въ которомъ они сплетены, и онъ получаетъ сырой матеріалъ для творчества, тотъ самый, изъ котораго творила природа, но теперь уже не запертый въ личной формѣ, а разрѣшенный, бездомный. Поэтому для человѣка изначала не было дѣла важнѣе, какъ подглядывать въ вещахъ сквозь личную скорлупу родовыя силы, чтобы, узнавъ, перехватывать ихъ въ свое временное пользованіе и для того сочетать по-своему.

35.—Природное явленіе предстоитъ тебѣ какъ личность, и какъ личность признаетъ тебя прахомъ, своей добычей; оно истребитъ тебя, чтобы использовать. Но познавъ его, ты познаніемъ утверждаешь себя какъ личность, его какъ прахъ; тогда ты властвушь надъ нимъ. Только познаніе даетъ власть въ мірѣ, и глубиною познанія опредѣляется размѣръ власти. Недопознанное опасно: оно еще не обезличено до конца.

36.—Но познавать значитъ познавать въ единичномъ его родъ. Человѣкъ узнаетъ родовые признаки въ вещахъ посредствомъ сравненія и различенія единичныхъ объектовъ; онъ подмѣчаетъ черты ихъ существеннаго сходства, и, отвлекаясь отъ индивидуальныхъ чертъ каждаго, забывая о нихъ вовсе, объединяетъ только эти сходныя черты многихъ въ родовое понятіе, т.-е. въ отвлеченный образъ, который удостовѣряетъ постоянную сопри-

надлежность признаковъ или постоянную связь между ихъ измѣненіями. Животнымъ также до извѣстной степени присущи родовыя представленія: мышь знаетъ кошку, какъ таковую, и наоборотъ; утка бѣжитъ къ невиданному раньше пруду. Такъ и человѣкъ никогда не существовалъ безъ запаса родовыхъ понятій; каждое новое, какое ему удавалось образовать, разоблачало предъ нимъ новый кладъ безхозяйныхъ природныхъ силъ, который онъ могъ присвоить. Вся его дѣятельность основана на отвлеченномъ знаніи, потому что всякая дѣятельность есть использованіе родовыхъ силъ.

37.—Но родовое понятіе — какъ двулезвейный мечъ: оно отсѣкаетъ личное не только въ объектѣ, но и въ самомъ наблюдающемъ. Пока я предстою явленію какъ личность, я воспринимаю и его непремѣнно какъ единичное. Ибо каждое явленіе есть своеобразный сплавъ неисчислимыхъ признаковъ, изъ коихъ каждый принадлежитъ къ какой-нибудь родовой группѣ въ мірозданіи; но моему личному воспріятію нѣтъ дѣла до ихъ родовой принадлежности: будучи само глубоко-своеобразнымъ, оно подбираетъ себѣ въ цѣльный образъ лишь тѣ признаки явленія, которыя соотносительны моему собственному своеобразію. Здѣсь принципомъ отбора является цѣлостная индивидуальность зрителя, и, слѣдовательно, такъ составленный образъ единиченъ по существу. Напротивъ, чтобы образовать родовое понятіе, я долженъ какъ-разъ не дать возникнуть во мнѣ такому личному образу; я долженъ взирать на вещи какъ-бы безличнымъ окомъ, равнодушно наблюдающимъ сходства и различія; я долженъ заглушить свое „я“. Итакъ, образуя родовое понятіе, человѣкъ одновременно погашаетъ въ немъ и единичныя своеобразія объектовъ, и личную свою особенность; онъ не можетъ совлечь чу-

жой формы, пока не совлечетъ собственной. И всякій знаетъ, что родовое понятіе тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ тщательнѣе въ немъ вытравлены слѣды субъективныхъ воспріятій.

38.— Уже сознаніе первобытнаго человѣка населено безчисленными родовыми представленіями; безъ нихъ онъ и шагу не могъ бы ступить; и человѣческая рѣчь есть неисчерпаемое хранилище родовыхъ понятій, закрѣпленныхъ въ словѣ ради запоминанія и передачи. Это первоначальное отвлеченное знаніе крайне-грубо, такъ какъ оно образовано изъ наблюденій поверхностныхъ и неточныхъ. Однако царство свое на землѣ человѣкъ основалъ именно съ помощью приблизительнаго, неочищеннаго знанія, ему обязанъ важнѣйшими своими завоеваніями и имъ же преимущественно живетъ донынѣ.

39.— Но пожирающая жажда творчества подстрекала человѣка не только безустанно создавать все новыя и новыя родовыя понятія: не менѣе упорно онъ добивался и точности своихъ отвлеченій, чтобы шаткое вѣроятіе своихъ разсчетовъ возвести въ достовѣрность. Совершенствуя свои пріемы, грубо-опытное познаніе постепенно становилось научнымъ. Наблюденіе единичнаго остается основою науки. Но наука выработала методы, позволяющіе ей наблюдать съ такой совершенной точностью, какая недоступна нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. Она научилась искусственно переводить въ кругъ чувственнаго опыта многочисленные ряды явленій, которыя по своему объему или составу вовсе не поддаются чувственному воспріятію, такъ что, изучивъ ихъ механизмъ въ лабораторіи, она научаетъ человѣка управлять ими въ самой природѣ. И всюду она, путемъ тщательныхъ наблюденій, отдѣляетъ несущественные признаки отъ существенныхъ, и образуетъ чистыя

родовыя понятія, т.-е. такія, въ которыхъ учтены только существенные признаки; отъ ближайшихъ родовыхъ признаковъ она нисходитъ къ силамъ, создающимъ ихъ, и отъ этихъ—еще къ глубже лежащимъ, строя безконечную іерархію причинныхъ зависимостей. Обнаруживъ единство въ многообразіи малаго круга, она ищетъ понять это единство, какъ причиняемое закономѣрностью бо̀льшаго круга, и, дальше расширяя круги, находитъ законы все болѣе общіе и потому все болѣе удостовѣренные всѣмъ рядомъ нисходящихъ соподчиненій; и отъ общихъ законовъ она умозаключаетъ къ единству круговъ еще необъясненныхъ, и опытной провѣркой подтверждаетъ правильность своихъ догадокъ. Такъ человѣкъ научается овладѣвать всякой множественностью силъ путемъ захвата единой силы, ее производящей, т.-е. и сразу, и увѣренно.

40.— Неисчислимы и величественны завоеванія науки, безпредѣльна ея держава, но она шла отъ побѣды къ побѣдѣ тѣмъ самымъ путемъ, по которому первые шаги сдѣлалъ ея дикій пращуръ — грубо-эмпирическое родовое представленіе. Какъ Изида въ подземное царство, такъ человѣкъ можетъ проникать въ нѣдра природы только совлекая съ себя самого предъ каждыми воротами одну оболочку за другою. Древнее родовое понятіе, основанное на простомъ чувственномъ воспріятіи сходствъ и различій, было невѣрно потому, что въ немъ человѣкъ не умѣлъ сполна отрѣшаться отъ самого себя. Наука ничего другого не дѣлала, какъ только совершенствовала это умѣнье; она обрабатывала не явленія, но познающаго ихъ; она изыскивала средства къ тому, чтобы научить ученаго освобождаться отъ его личныхъ особенностей, гасить въ себѣ все своеобразіе воспріятій и мышленія. И поскольку человѣкъ научался этому, сущность явленій уже сама

раскрывалась предъ нимъ на соотвѣтственную глубину. Первое въ наукѣ — искусство познанія, а само добываемое знаніе есть слѣдствіе. И потому во всѣ вѣка главное вниманіе ученыхъ было обращено на выработку методовъ; и безпримѣрно ускорился прогрессъ науки съ тѣхъ поръ, какъ Бэконъ положилъ основаніе особенной наукѣ наукъ — теоріи познанія.

41.—Въ этой внутренней своей работѣ наука пользовалась тѣми-же пріемами, какъ во внѣшней, потому что личность познающаго есть такое же природное явленіе, какъ и сама познаваемая вещь, и слѣдовательно должна быть такъ же изучаема. Личность множественна сама въ себѣ и представляетъ черты сходства со всякой другой человѣческой личностью. Наука возводитъ это внѣшне-наблюдаемое сходство къ единству болѣе общихъ душевныхъ признаковъ, и это высшее единство — къ высшей еще закономѣрности, и далѣе до тѣхъ поръ, пока не обнаруживаются самые общіе, наиболѣе постоянные законы духовной дѣятельности. Какъ матерія въ химической лабораторіи, такъ въ теоріи познанія человѣческая личность разлагается на первичные элементы, присущіе всякому человѣку независимо отъ его особенностей; получается логическій остовъ духа, критерій истиннаго знанія. Познающій духъ есть духъ сверхличный, очищенный отъ всѣхъ пристрастій индивидуальнаго чувства, отъ односторонностей мышленія, отъ количественнаго разнообразія душевныхъ силъ, словомъ — отъ всѣхъ частныхъ опредѣленій бытія.

42.—Такъ въ актѣ познанія до дна обезличивается человѣкъ, въ содержаніи знанія — міръ явленій. Для науки существуютъ только виды: она равно отрицаетъ реальное бытіе личности и въ познающемъ, и въ познаваемомъ. Знаніе идетъ отъ чувственнаго воспріятія къ отвлеченному

воззрѣнію и отъ воззрѣнія къ чистому понятію. Міръ единичныхъ вещей оно истолковываетъ какъ систему взаимодѣйствій, и строитъ модель, въ которой наглядно представленъ механизмъ взаимодѣйствующихъ силъ; и дальше самый этотъ механизмъ оно истолковываетъ какъ систему отношеній, уже не конкретныхъ и даже не символическихъ, а чисто-идеальныхъ, которыя могутъ быть выражены только на абсолютно-отвлеченномъ языкѣ математики. Въ предѣлѣ знанія міръ разрѣшается въ сѣрую массу основныхъ и неизмѣнныхъ элементовъ; явленіе есть только своеобразное сочетаніе ихъ. Явленіе не реально, не дѣйственно, не самозаконно: реально въ мірѣ только движеніе, т.-е. нѣчто такое, что само по себѣ не можетъ быть ни воспринято чувствами, ни представлено воображеніемъ, но только мыслимо. Въ познающемъ и въ познаваемомъ равно совлечена плоть; одна зіяющая бездна глядится въ другую зіяющую бездну.

43.—Наука естественна — кто станетъ спорить противъ этого? Наука была закономѣрно порождена потребностью творчества, какъ сама потребность творчества заложена въ человѣка природою. Но наука обособилась въ отдѣльную державу и зажила буйною, своевольною жизнью. Она была призвана служить творчеству; ради успѣшности своего служенія ей пришлось заняться изслѣдованіемъ своихъ силъ и средствъ; и, углубляясь, она крѣпла и ширилась самобытно, питала творчество, но и добывала многое, чего творчество непосредственно не требовало отъ нея, трудилась усердно и съ любовью, и кончила тѣмъ, что безпредѣльно опередила всѣ потребности человѣчества. Наука стала какъ бы живымъ организмомъ со своими особенными законами и нуждами. Утонченность ея пріемовъ, совершенство ея орудій непроизвольно влекутъ ее къ без-

численнымъ открытіямъ; и принося всякое свое открытіе въ даръ своей матери-техникѣ, она форсируетъ творчество, какъ подстрекаемое ею творчество въ свою очередь до времени развращаетъ человѣческій родъ. Различныя способности духа уже не умѣряются взаимно въ гармоническомъ строѣ, но бѣшено торопятъ другъ дружку своимъ одностороннимъ и чрезмѣрнымъ развитіемъ.

44.—Гигантская система современной культуры всецѣло зиждется на двойственномъ отвлеченіи. Отвлеченіе—спеціальный методъ культуры, другого орудія она не имѣетъ; совершенствуя искусство отвлеченія, культура развивается. Она выдѣлила изъ себя особенный органъ отвлеченія, науку, и отъ науки получаетъ уже готовый матеріалъ—жизнь обнаженную отъ всѣхъ конкретныхъ признаковъ, чистую эссенцію бытія; и потому научность—душа культуры. Всего культурнѣе, т.-е. всего глубже пропитаны отвлеченностью, тѣ сферы жизни, которыя наиболѣе подчинили себя наукѣ.

45.—И вотъ уже вся людская жизнь приняла новый видъ. Подобно болѣзнетворной бактеріи отвлеченіе распространилось по всему составу человѣчества и переродило всѣ его органы. Въ природѣ отвлеченія коренятся двѣ неудержимыхъ тенденціи: оно стихійно стремится расширять свой кругъ, чтобы въ предѣлѣ стать числомъ, и оно неустанно дѣлится почкованіемъ внутри самого себя. Куда бы ни проникло отвлеченіе, оно всюду одинаково дѣйствуетъ по этимъ двумъ линіямъ. Всякая сфера нераздѣльной жизни, гдѣ только угнѣздилось отвлеченіе, тотчасъ начинаетъ бродить; отвлеченіе, разростаясь и дѣлясь, организуетъ самобытный строй, и вотъ уже эта сфера автономна, ея творчество почти уже не регулируется всеобщей закономѣрностью цѣлаго, она творитъ по зако-

намъ своей спеціальной техники и загромождаетъ жизнь плодами своего односторонняго и своевольнаго творчества. Такъ противоестественно разрослась прежде всего сама наука, органъ, вырабатывающій отвлеченіе, и раздѣлилась сама въ себѣ на безчисленныя дисциплины, умножающіяся съ каждымъ днемъ; такъ случилось и съ техникой, промышленностью, торговлей, правомъ. И потому современная жизнь представляетъ картину болѣзненнаго разращенія всѣхъ органовъ духа.

VI.

46.—Самый страшный наростъ на тѣлѣ человѣчества—безъ сомнѣнія промышленность, какою она стала въ послѣдніе два вѣка. Промышленность по самой своей природѣ подчинена научному знанію, — техника всегда была посредницей между ними; промышленность развивалась въ строжайшей зависимости отъ успѣховъ науки. Когда же наука достигла своей наивысшей точки и чрезъ технику передала производству свое величайшее обобщеніе, тогда для человѣчества наступила новая эра. Со введеніемъ машины производство становится всемогущимъ.

47.—Машина могла явиться лишь тогда, когда наука прошла путь отвлеченія до конца, т.-е. когда удалось понять живую силу желѣза, угля, воды, и ихъ взаимодѣйствіе, не только какъ систему механическихъ движеній, но уже какъ систему отвлеченныхъ отношеній, выразимую въ числахъ. По всему этому пути расположенъ рядъ преемственныхъ механическихъ изобрѣтеній; но машина могла быть построена только на предѣльномъ отвлеченіи — на математической формулѣ. Машина въ своемъ устройствѣ

олицетворяетъ абсолютную научность, т.-е. абсолютную отвлеченность. Самый ходъ науки, приведшій къ созданію машины, былъ ничѣмъ инымъ, какъ постепенной обработкой человѣческой психики въ смыслѣ совлеченія, отметанія ея частныхъ особенностей, засоряющихъ чистоту наблюденія и обобщенія, до тѣхъ поръ, пока не удалось добыть чистѣйшій экстрактъ духа—неизмѣнную, всеобщую логическую энергію. Духъ, такъ обнаженный, уже безпрепятственно входитъ въ нѣдра естества, потому что первичныя движенія духа и матеріи опредѣляются одной и тою же закономѣрностью. Этотъ голый механизмъ духа, эта чистая логическая энергія, и дѣйствуетъ въ машинѣ; оттого машина автоматически разлагаетъ природное тѣло: предъ лицомъ обнаженнаго духа тварь не смѣетъ предъявлять ни своихъ личныхъ, ни семейныхъ, ни родовыхъ правъ, но и сама покорно обнажаетъ скрытую въ ней міровую энергію. Машина стоитъ между человѣкомъ и обрабатываемой имъ вещью, какъ мощный аппаратъ отвлеченія, переводящій обезличенность человѣка въ обезличенность вещи. Эту чистую логическую силу можно регулировать въ ея дѣйствіи математически-точно, ее можно скоплять въ одномъ мѣстѣ или, наоборотъ, дѣлить на мельчайшія доли; оттого машина способна вытягивать проволоку неизмѣнной тонины, распиливать дерево на листы тоньше паутины, поднимать тысячепудовыя тяжести. Своей безусловной отвлеченностью она разъ навсегда ограждена отъ вторженій какой бы то ни было личной воли: въ рабочемъ она использует только его родовыя свойства, изъ природнаго тѣла извлекаетъ его субстанцію, въ своемъ продуктѣ осуществляетъ сверхличную идею. Рабочій, природное тѣло и потребитель стоятъ предъ нею равно униженно, какъ безыменные и безразличные экземпляры своихъ родовъ. Сам

плодъ отвлеченія, она тремя каналами вливаетъ назадъ въ міръ отвлеченность, обезличивая рабочаго—трудомъ, природу—обработкою, потребителя — своимъ издѣліемъ. Логическая эссенція человѣческаго духа есть ядъ сильнѣйшій въ мірѣ, убивающій безошибочно и мгновенно.

48.—Съ тѣхъ поръ какъ машина воцарилась въ промышленности, число вещей стало возрастать съ неимовѣрной быстротой. Міръ обезумѣлъ, его обуяло бѣшенство производства. Что ни день, на каждую душу населенія приходится все большее количество истребляемыхъ созданій природы и все большее количество человѣческой энергіи, расходуемой на изготовленіе вещей. Ежеминутно, ежесекундно на всемъ пространствѣ земли милліоы тюковъ, ящиковъ и бочекъ поднимаются на визжащихъ блокахъ, тяжело-нагруженные поѣзда днемъ и ночью грохочатъ во всѣхъ направленіяхъ, пароходы съ набитымъ брюхомъ бороздятъ моря, кишмя-кишитъ рабочій людъ на пристаняхъ, въ рудникахъ подъ землею, на складахъ и заводахъ, чтобы вырвать у природы миріады тоннъ живого вещества и переработать его въ вещи. Безчисленные виды созданій, раньше таившіеся подъ неразгаданными формами, теперь ввергнуты въ производство, съ тѣхъ поръ какъ наука, всюду шныряющій соглядатай, разоблачила ихъ потребительную или рабочую годность. Подобно тому, какъ если бы кто вздумалъ получить приплодъ отъ дворняжки и волка, чтобы въ новомъ поколѣніи удесятерить злобу домашняго пса, такъ человѣкъ научился сочетать рабочія силы разнородныхъ стихій въ чудовищныя машины и реактивы, способные молоть желѣзо, расплющивать сталь, разлагать крѣпчайшіе составы. Онъ обратилъ въ орудія тепло и холодъ, свѣтъ и тьму, паденіе водъ и воздушныя волны, онъ поставилъ бы на работу все существующее,

даже улыбку ребенка и вздохъ сокрушеннаго сердца, если бы наука научила его превращать ихъ въ орудія, потому что и въ нихъ есть энергія, пропадающая теперь для производства. Производству подчинена вся жизнь, такъ что умный дикарь, поживъ среди насъ, справедливо заключилъ бы, что культурные народы, вмѣсто того чтобы жить, заняты единственно очеловѣченіемъ естества. Недаромъ именно въ наши дни сознанію многихъ предстало съ очевидностью истины экономическое объясненіе исторіи: невѣрное для прошлыхъ вѣковъ, оно теперь почти вѣрно, потому что производство безспорно главенствуетъ въ жизни государственной и международной. Теперь невозможны религіозныя войны, угасла буйная жажда завоеваній, умерло честолюбіе; внутренняя политика опредѣляется стихійнымъ движеніемъ производства, внѣшняя— заботами правительствъ о развитіи производительныхъ силъ страны. Не новыхъ провинцій, которыя увеличили бы мощь и блескъ державы, — теперь ищутъ новыхъ рынковъ для сбыта и новыхъ источниковъ сырья.

49.—Потому что производство исказилось въ корнѣ и утратило свой природный смыслъ, превратившись изъ служебнаго средства въ самозаконное образованіе. Оно порвало пуповину и зажило самостоятельной жизнью; оно внутри себя выработало свой особенный строй съ особенными законами своего существованія и развитія. На почвѣ отвлеченія оно развилось и организовалось, на почвѣ отвлеченія и раздѣлилось внутренно на безчисленныя ячейки. Ему уже нѣтъ дѣла до потребностей, которыя оно призвано удовлетворять,—оно руководится только своими собственными потребностями и управляется собственными законами. Успѣхи техники естественно удешевляютъ выдѣлку, ростъ производства подгоняетъ технику, каждая

отрасль науки, каждая отрасль техники торопятъ смежныя, ростъ производства въ одной отрасли неизбѣжно влечетъ за собою его ростъ во всѣхъ многочисленныхъ сопряженныхъ областяхъ, конкурренція побуждаетъ расширять производство въ видахъ его удешевленія, капиталъ, скопляясь и алкая процентовъ, ищетъ себѣ примѣненія снова въ промышленности; и такъ, въ силу ея имманентныхъ законовъ, въ силу тысячи ея внутреннихъ движеній, количество производимыхъ вещей растетъ стихійно, безъ всякаго соотвѣтствія живымъ потребностямъ, — напротивъ, уже готовый продуктъ ищетъ навязаться потребителю въ степяхъ Монголіи или въ дебряхъ Камеруна. Производство перестало быть нормальнымъ питаніемъ духа,— оно питаетъ насильственно, форсируя слабую потребность или будя еще спящую. Оно одолѣваетъ міръ и до времени растлѣваетъ человѣчество.

50.—И прежде всего оно растлѣваетъ самого производителя, замѣнивъ творческій трудъ повтореніемъ. На зарѣ исторіи каждая рукотворная вещь была продуктомъ творчества. Дикарь тратитъ два мѣсяца на изготовленіе украшеннаго лука и полгода на выдолбку чаши, но въ этомъ трудѣ онъ глубоко осознаетъ себя. Сколько есть въ человѣчествѣ самосознанія,—оно пріобрѣтено въ творческомъ трудѣ. А массовое производство — врагъ творчества, машина же по самой своей природѣ предназначена только повторять съ абсолютной точностью. Поэтому нынѣ производство легко, но и безплодно; машинный рабочій, безъ конца повторяя готовый образецъ, подобенъ бѣлкѣ, вертящейся въ колесѣ. Теперь одинъ актъ творчества приходится на милліарды повтореній; производство уже не учитъ, а отупляетъ.

51.—Творчество рождается изъ неодолимой потребности

личнаго духа воплотить идеальный образъ, стихійно зачатый въ немъ, и чрезъ то обрѣсти покой. Поэтому творческій трудъ на всемъ своемъ протяженіи запечатлѣнъ страстнымъ личнымъ интересомъ: потокъ чувства, зародившійся въ личности, остается личнымъ и тогда, когда, изливаясь наружу, онъ посредствомъ знанія преображаетъ міръ. Ступень за ступенью творецъ возводитъ лѣстницу причинностей къ лучезарной звѣздѣ своей, и каждая упроченная ступень удостовѣряетъ его въ объективной правильности его идеальнаго образа. Самъ Міровой Разумъ ободряетъ его: „такъ; до сихъ поръ ты вѣрно провидѣлъ; дальше",—и ликуя, тревожась, страшась, онъ съ неусыпнымъ вниманіемъ ощупью движется дальше ввысь, заботясь только о прочности ступеней, да о неуклонномъ направленіи къ своей воздушной цѣли. Нѣтъ предѣла его усердію, его пытливости. Знаніе въ немъ—какъ пожирающій огонь, какъ боль и радость, совершенно живое и личное; ибо чрезъ вѣруемый образъ своего видѣнія онъ ставитъ на карту не какой-нибудь частный свой интересъ, но самую душу свою, ея безвозвратную участь. И ежели его трудъ вѣнчается успѣхомъ, тогда уже нѣтъ сомнѣнія: въ этомъ частномъ случаѣ онъ вѣрно провидѣлъ сущность вещей, онѣ отдали ему свою силу и помощь, какъ сопричастнику вселенской тайны. Отнынѣ онъ будетъ смѣлѣе довѣряться своимъ видѣніямъ, нежели раньше.

52.—Итакъ, личная заинтересованность отъ начала до конца—вотъ признакъ творческаго труда. Предвкушаемая радость конечнаго успѣха распредѣляется радостью отдѣльныхъ достиженій по всему пути и одушевляетъ страстнымъ вниманіемъ его послѣдовательные этапы. Таковъ трудъ художника. Художникъ трудится столько же ради процесса творчества, сколько ради результатовъ своего

труда. Если бы его творческіе замыслы осуществлялись помимо его личныхъ усилій, какъ Венера по волѣ Зевса возникла изъ пѣны морской,—онъ проклялъ бы свой даръ и наложилъ бы на себя руки.

53.—Только творческій трудъ полонъ и совершенъ, всѣ другіе виды труда несовершенны. Есть три типичныхъ формы неполнаго труда. Трудъ неполонъ, когда личная воля трудящагося устремлена не на осуществленіе творческаго замысла, а на цѣль побочную, по существу чуждую замыслу труда, когда человѣкъ трудится напримѣръ ради заработка, или славы, или развитія въ себѣ какихъ-нибудь способностей, или препровожденія времени. Чистая форма такого труда—спортъ; поэтому въ спортѣ существенная цѣль труда вовсе устранена: ее замѣняетъ мнимая цѣль, лишенная всякаго реальнаго содержанія. Неполонъ трудъ и тогда, когда трудящійся осуществляетъ чужой творческій замыселъ; здѣсь цѣль предуказана извнѣ, и потому одушевленіе труда поддерживается только радостью частичныхъ достиженій. Наконецъ, еще болѣе неполонъ трудъ копирующій, гдѣ отсутствуетъ не только изначальный пылъ видѣнія, но и радость самобытнаго осуществленія; здѣсь трудъ отъ начала до конца проходитъ преднамѣченные этапы.

54.—Въ современномъ обществѣ всякій трудъ представляетъ сочетаніе нѣсколькихъ формъ, причемъ однако элементъ чистаго творчества встрѣчается всего рѣже; даже художникъ, творя, обычно помнитъ о славѣ и деньгахъ. Но наиболѣе противоестественъ нынѣшній фабричный трудъ, соединяющій въ себѣ исключительно всѣ отрицательныя черты трехъ неполныхъ формъ. Въ немъ нѣтъ и тѣни личнаго творческаго замысла; при господствующемъ нынѣ раздѣленіи труда трудъ отдѣльнаго ра-

бочаго есть чистое повторенiе, копированiе даннаго образца, почему онъ и можетъ наиболѣе удобно производиться посредствомъ машины. Идеальный образъ фабрикуемой вещи, возникшiй гдѣ-то въ пространствахъ, даже цѣликомъ не предъявляется рабочему. Способы его осуществленiя также установлены заранѣе и закрѣплены конструкцiей машинъ. Такимъ образомъ, трудъ рабочаго совершенно безличенъ какъ въ отношенiи замысла, такъ и въ осуществленiи; и потому весь потокъ трудовой энергiи протекаетъ безстрастно и вяло. Такой трудъ чрезвычайно тягостенъ; ни одинъ человѣкъ не сталъ бы совершать его по доброй волѣ. Но равнодушный и къ цѣли, и къ процессу своего труда, рабочiй дѣлаетъ видъ, будто заинтересованъ своимъ трудомъ; интересуетъ же его на самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что̀ лишь косвенно связано съ его трудомъ, именно заработная плата. Его личный интересъ направленъ не по линiи труда, а по побочной линiи, неудержимо стремящейся разойтись съ линiей труда; поэтому его усердiе ежеминутно склонно превратиться по отношенiю къ труду въ корысть и обманъ. Слѣдовательно фабричный трудъ, какъ повторенiе ради платы, не только по существу безличенъ, но еще и эксцентрично-личенъ,—два качества, изъ коихъ первое поражаетъ его апатiей, второе недобросовѣстностью. Онъ полярно - противоположенъ подлинно-творческому труду, который на всемъ своемъ протяженiи есть страсть и пламенная личная преданность, беззавѣтное самоотверженiе, неутомимое прилежанiе и благоговѣйная, неподкупная, суевѣрная честность.

55.—Идеальный образъ творческаго труда—точно аккумуляторъ, въ которомъ на время сосредоточилась вся живая энергiя личности, безъ остатка, и трудъ осуществляющiй разряжаетъ, освобождаетъ эту энергiю; и потому,

чтобы вернуть себѣ свободу, одержимая личность вкладывается въ творческій трудъ сполна, изо всѣхъ силъ. Оттого въ творческомъ трудѣ совершается всестороннее раскрытіе личности; не только явныя силы ея развиваютъ свою наибольшую дѣятельность, но и вызываются изъ дремоты къ дѣйствію силы скрытыя, невѣдомыя раньше самому творцу. Напротивъ, въ фабричномъ трудѣ личность не расцвѣтаетъ, а глохнетъ, какъ заброшенное поле, ея глубокіе слои остаются безплодными и мертвѣютъ. Политико-экономы не подозрѣваютъ, какія огромныя количества недоданной, невыявленной въ міръ рабочей силы напрасно пропадаютъ въ порабощенной волѣ трудящихся.

56.—Такъ въ вещахъ обезличивается не только природа, но и рабочій. А потребитель?—Число искусственныхъ вещей растетъ неимовѣрно. Кипитъ работа на безчисленныхъ фабрикахъ, милліоны рабочихъ съ быстротой удивительной, съ ловкостью фокусниковъ превращаютъ живое естество въ вещи. Города и села наводнены вещами, дома загромождены ими; вещи дешевѣютъ съ каждымъ днемъ, и уже не только богатый, какъ нѣкогда, но и бѣдный теперь обставленъ ихъ густымъ строемъ. Первобытный человѣкъ жилъ среди живыхъ созданій природы: вокругъ насъ уже ничто не струится, не движется, не цвѣтетъ; мы окружены исключительно вещами. И этотъ чудовищный ростъ производства двоякимъ образомъ измѣнилъ природу вещей.

57.—Живое созданіе вмѣщаетъ въ своей личной формѣ несчетные концентрическіе круги семейства, вида, рода и пр., до послѣдняго, самаго широкаго круга, который объемлетъ физико-химическія свойства, общія уже всѣмъ созданіямъ. Прогрессъ техники состоитъ въ томъ, чтобы научиться использовать въ природномъ тѣлѣ силы все болѣе широкихъ круговъ, погашая въ нихъ силы мень-

шихъ круговъ. Надо дробить природную форму на куски все болѣе мелкіе, надо разлагать ихъ составъ все глубже, ибо чѣмъ дальше вглубь естества, тѣмъ оно сроднѣе и послушнѣе человѣческой волѣ. Оттого въ нашихъ вещахъ почти уже нельзя узнать форму природныхъ тѣлъ, изъ которыхъ онѣ сдѣланы.

58.—Чувствительна къ свѣту фотографическая пластинка, микрофонъ слышитъ звуки въ ночной тиши, но болѣе всѣхъ аппаратовъ безпримѣрно чутокъ и воспріимчивъ человѣческій духъ. Въ необтесанной колодѣ и необдѣланной шкурѣ онъ яснѣе ощущаетъ космическое, нежели въ крашеной кожѣ и полированной доскѣ; чѣмъ больше измельчено и смѣшано вещество природныхъ тѣлъ, тѣмъ слабѣе въ немъ чувствуется тайна. Изъ многихъ потоковъ, которыми стремится впередъ культура, вотъ одинъ быстрѣйшій: возрастающее обезличеніе природныхъ тѣлъ въ вещахъ. Отъ пищи до тончайшихъ предметовъ роскоши, вещи, за немногими исключеніями, цѣнятся тѣмъ выше, чѣмъ безслѣднѣе въ нихъ вытравленъ обликъ природныхъ тѣлъ. Бѣдный живетъ въ тесовой избѣ, одѣвается въ небѣленый холстъ, ѣстъ вареныя овощи и вареное мясо, а въ домѣ богатаго нѣтъ голыхъ бревенъ, его одежда—изъ крашеныхъ тканей, въ его пищѣ мясо и овощи преображены неузнаваемо, и воду онъ пьетъ не простую, а смѣшанную съ останками другихъ природныхъ тѣлъ, и даже воздухъ подправляетъ вокругъ себя частицами цвѣточныхъ труповъ.

59. — Въ вещахъ обезличиваются не только природныя тѣла и рабочій, — обезличивается и потребитель. Такъ какъ каждая особенная вещь требуетъ для себя спеціальной степени дробленія и спеціальнаго смѣшенія природныхъ тѣлъ, то фабрикантъ, стремясь удешевить про-

изводство, естественно норовитъ изготовлять возможно большое количество одинаковыхъ вещей изъ однородной массы. А для того, чтобы вещь продавалась въ большомъ количествѣ, она должна удовлетворять большое число людей; т.-е. необходимо, чтобы возможно многіе узнавали въ предлагаемой вещи свою собственную преднамѣренность и свой образъ красоты. Поэтому въ современныхъ вещахъ отсутствуютъ всѣ тонкіе оттѣнки индивидуальнаго сознанія и вкуса; предъ ними я—не личность, не единственный, а любой изъ обширной группы людей.

60.—И вотъ эти-то вещи, вройнѣ обезличенныя, окруживъ насъ плотной толпою, воспитываютъ насъ своимъ непрестаннымъ присутствіемъ. Живой дубъ полонъ тайны и внушаетъ благоговѣніе. Не мысля знаешь, что онъ, какъ царь,—и лицо, и символъ. Онъ стоитъ предъ тобою отдѣльный, цѣлостный и неповторимый, замкнутый въ индивидуальную форму и утверждающій свое личное бытіе. И въ то же время его видъ уводитъ твое сознаніе въ даль его отдѣльнаго преемственнаго ряда, и чрезъ него—въ безпредѣльную ширь всеобщаго бытія; онъ учитъ тебя знать единство вселенной и желѣзную связь ея законовъ. Эта наука, преподаваемая человѣку живыми созданіями природы, есть высшая и нужнѣйшая изъ наукъ, ибо единственная, какую онъ воспринимаетъ цѣлостнымъ духомъ. Ея-то не содержатъ въ себѣ человѣческія вещи.

61.—Въ этомъ письменномъ столѣ еще уцѣлѣлъ нѣкій скудный остатокъ силъ живого дерева, которыя человѣкъ частью умышленно сохранилъ, частью не сумѣлъ истребить. Волокнистость дерева, его твердость и мягкость, его вѣсъ и химическій строй—послѣдніе, тлѣющіе угли костра. Ихъ уже ничто не оживитъ, они неудержимо гаснутъ,—мы говоримъ, что вещь изнашивается. Гаснутъ же они по-

тому, что эта вещь мертва. Въ природномъ созданіи пребываетъ нѣкій творческій духъ, зиждущій и обновляющій созданіе; въ человѣческой вещи нѣтъ этой зиждительной силы, и оттого она неспособна рождать изъ себя подобную себѣ; оттого-же между ея частями нѣтъ органической связи: ножки стола не выросли изъ стола; и оттого-же, наконецъ, она неспособна сама регулировать свою жизнь сообразно съ измѣненіями окружающей среды и возстановлять свое равновѣсіе, когда оно нарушено.

62.—Что̀ говоритъ намъ человѣческая вещь? Безмолвно созерцая природное созданіе, мы внемлемъ гармонію сферъ; искусственная вещь, какъ голосъ природы, почти нѣма: лишь еле внятно шепчутъ въ ней послѣднія силы ея организованной формы. Зато громко и увѣренно говоритъ изъ нея человѣкъ. Въ эту смѣсь обезображенныхъ обломковъ природы вложена нѣкая Идея: ей-то подчинены и ею связаны между собою всѣ части вещи.

63.—Въ человѣческой вещи надо различать идею и содержаніе. Идея вещи всегда проста и раціональна: идея вещи—ея практическое назначеніе. Идея чернильницы—быть вмѣстилищемъ для небольшого количества жидкости, идея стѣны—быть вертикальнымъ огражденіемъ пространства. Напротивъ, содержаніе вещи сложно: оно состоитъ изъ многихъ частей, разсудочныхъ и чувственныхъ, но всегда подчинено идеѣ; своими разсудочными элементами оно непосредственно служитъ идеѣ, т.-е. повышаетъ годность вещи, эстетическими оно пытается замаскировать наготу идеи, потому что человѣкъ безсознательно стыдится своей корыстной разсудочности. Будетъ ли входное отверстіе чернильницы широко или узко, вертикально или наклонно; велика ли ея емкость или мала; дана ли ей форма склянки или чаши, или какая-нибудь другая;

сдѣлана-ли она изъ стекла или металла, украшена или нѣтъ, — всѣ эти признаки вещи составляютъ въ совокупности ея содержаніе. Какъ нѣтъ вещи безъ идеи, такъ нѣтъ вещи безъ содержанія. Но идея—царь и душа вещи; всѣ ухищренія человѣка безсильны скрыть наглое безстыдство попирающей содержаніе идеи. Она одна властно говоритъ въ вещи, и почти только ее слышитъ въ вещи человѣкъ. Идея вещи тупа и эгоистична, какъ гномъ; она знаетъ только себя и хочетъ быть только собою. Едва родившись, она уже неподвластна человѣку и съ злымъ упрямствомъ отстаиваетъ свою корысть. Въ богатомъ воображеніи человѣка вокругъ нея увиваются и льнутъ къ ней чудныя феи, но гномъ ходитъ среди нихъ, какъ плантаторъ на невольничьемъ рынкѣ, и выбираетъ въ свою дворню, въ содержаніе вещи, только тѣхъ, кто можетъ быть ему либо рабомъ, либо наложницей. Все содержаніе вещи—рабы и наложницы гнома-идеи; въ его домѣ изъ глины, дерева или металла никто не смѣетъ ему прекословить. Оттого красота и не пытается войти въ его домъ: она любитъ свободу; къ нему идетъ въ услуженіе лишь вѣтреная миловидность. У него есть среди челяди старыя слуги, съ которыми онъ издавна сжился,—безсмѣнныя части содержанія; другихъ онъ мѣняетъ часто. Онъ бережливъ и любитъ порядокъ, оттого такъ скучны наши вещи: прямыя линіи и прямые углы, кругъ и его части, горизонтальныя или вертикальныя плоскости, и симметрія во всемъ. Онъ большею частью старъ, Маѳусаиловыхъ лѣтъ, но отъ старости только крѣпче и деспотичнѣй. Идея вещи ясна и оттого бѣдна: прямолинейная цѣлесообразность пользы. Назойливо и однообразно твердитъ намъ вещь свою односложную и слишкомъ понятную повѣсть. Въ моей комнатѣ все мертво и изъ всѣхъ вещей

смотритъ мнѣ въ глаза трезвымъ взглядомъ разсудокъ, человѣческій—мой собственный разсудокъ. Онѣ не выводятъ душу въ міровой просторъ, а замыкаютъ ее въ ней самой. Онѣ разсудочностью кормятъ душу и обезличиваютъ ее своей безличностью.

64.—Нѣкогда человѣкъ жилъ среди живыхъ созданій природы, то дружа, то враждуя съ ними, какъ въ родной семьѣ. Теперь ихъ сосѣдство ему несносно, онъ не любитъ смотрѣть имъ въ лицо; надо истребить слѣды ихъ наружности въ человѣческихъ вещахъ, чтобы уже ничто не напоминало о ней. Но и собственный обликъ въ своей единственности еще страшитъ его, потому что своеобразіе личности—та же стихія; и для того, чтобы вещи были не слишкомъ вѣрными зеркалами, онъ обезличиваетъ въ нихъ и самого себя, насыщая обезображенные останки природныхъ тѣлъ образомъ средне-человѣческимъ. Оглянись каждый одинъ въ своей комнатѣ: все кругомъ—мертвыя и безличныя вещи; некуда обратить взоръ, чтобы онъ не встрѣтился съ глазами гомункула, засѣвшаго въ комочкѣ перетертой матеріи. Работая по способу двойного отвлеченія, обезличивая природу чрезъ обезличеніе человѣка, производство, слуга жизни, сдѣлалось нынѣ ея тираномъ.

65.—Ибо всякое движеніе, возникающее въ природѣ, стремится возрастать безконечно, и природа не ставитъ ему никакихъ преградъ, пока его ростъ не перейдетъ нѣкоей таинственной черты. Она поощряетъ всякую жизнь—и однако жестоко караетъ чрезмѣрный расцвѣтъ; она лелѣетъ многое, что̀, разрастаясь какъ курдюкъ, влечетъ созданіе къ гибели. Такъ и человѣкъ свободенъ идти до гибели по каждой изъ открытыхъ ему дорогъ. Отвлеченіе, орудійность, производство врождены человѣку;

но въ отличіе отъ всѣхъ другихъ созданій онъ не совсѣмъ подчиненъ власти роковыхъ опредѣленій: разумъ способенъ наблюдать послѣдствія человѣческихъ дѣлъ и по послѣдствіямъ уразумѣть ошибку.

VII.

66. — Преображая природу вокругъ себя, человѣкъ въ неисчислимыхъ внѣшнихъ усиліяхъ неосторожно накоплялъ внутри себя враждебную силу, порабощавшую его самого. И новый возсталъ надъ нимъ господинъ, страшнѣе природныхъ силъ: сверхличный, логическій разумъ. Онъ самодержецъ, и все сущее—ему лишь орудія, въ томъ числѣ сама человѣческая личность.

Человѣкъ двояко подвластенъ сверхличному разуму. Ибо, во-первыхъ, человѣкъ — и самъ явленіе природы, столь же хаотическое предъ очами разума и столь же опасное, какъ хищный звѣрь. Темная воля его, клубящаяся чувствомъ, кипящая страстями, поминутно высылаетъ въ міръ неукротимыя желанія, которыхъ ни онъ самъ, ни его ближніе не могутъ заранѣе предусмотрѣть и учесть. Притомъ стихія, заключенная въ личности, болѣе могущественна, нежели стихіи природнаго міра, такъ какъ въ своемъ неистовствѣ она дѣйствуетъ всѣми средствами, какими разумъ вооружилъ личность для внѣшней борьбы; и укрыться отъ нея невозможно, потому что она въ самомъ человѣкѣ. Во-вторыхъ, объективный разумъ можетъ осуществлять свои замыслы не иначе, какъ волею и трудомъ отдѣльныхъ людей; его единственное и непремѣнное оружіе надъ внѣшней природой—духовный механизмъ личности. Поэтому человѣческая личность подлежитъ общему

закону орудійности: подобно лошади и желѣзу, она должна быть цѣлесообразно обработана для служенія. Итакъ, природный человѣкъ, во-первыхъ, опасенъ для себя и для общества, во-вторыхъ, и во-внѣ безпомощенъ для себя и безполезенъ для общества. Такъ онъ вдвойнѣ становится объектомъ культуры: какъ стихія самъ, и какъ орудіе надъ внѣшней стихіей.

67. — Двойная выучка эта, требуемая разумомъ, по существу едина: человѣкъ долженъ быть обезличенъ. Ибо внутреннее устроеніе личности есть вмѣстѣ ея орудійная годность; обезличенный духъ и самъ въ себѣ покоряется законодательству сверхличнаго разума, и родовой силой своею свободно входитъ въ родовыя нѣдра другихъ созданій, чтобы познавать и творить. Поэтому всякое нравственное воспитаніе человѣка въ полной мѣрѣ своей повышаетъ его познавательную и техническую способность, и, наоборотъ, отвлеченное знаніе и техническое умѣнье цѣликомъ превращаются въ нравственное самообладаніе. Всѣ три средства по существу тожественны, какъ подчиненіе личности объективной нормѣ, закону. Итакъ, двуединая выучка, которой подлежитъ человѣкъ, можетъ осуществляться тремя способами: моральной дисциплиной, знаніемъ и техникой.

68. — Подобно тому какъ узурпаторъ, воздвигнувъ первоначально шаткій престолъ, слабой властью своею сѣетъ соблазны, и чѣмъ болѣе упрочивается во власти, тѣмъ успѣшнѣе соблазняетъ на покорность себѣ, такъ разумъ въ личности крѣпнетъ каждой своей побѣдою для сугубыхъ побѣдъ. Чѣмъ больше человѣкъ успѣваетъ въ двуединой выучкѣ, тѣмъ ревностнѣе, по внушенію окрѣпшаго въ немъ разума, жаждетъ обезличиваться дальше. И вопреки господствующему мнѣнію, въ этомъ дѣлѣ нѣтъ противоборства

между волею каждаго и волею всѣхъ. Каждый отдѣльный ищетъ обезличиваться ради собственной выгоды, — иначе его растерзаютъ страсти и онъ останется безсильнымъ во-внѣ; но не менѣе важно для него и обезличенѣе его ближнихъ, потому что въ обществѣ всѣ связаны круговой выгодой самообладанія и технической умѣлости. Поэтому общество всячески поощряетъ обезличенѣе каждаго. Изъ отдѣльныхъ умовъ эта готовность вливается въ общество, образуя въ немъ идею непререкаемаго долга, и затѣмъ удесятеренной въ силѣ возвращается въ индивидуальное сознаніе. Въ обществѣ, какъ и въ отдѣльной личности, поступательное движеніе разума само ускоряетъ себя, но ускореніемъ еще несравненно быстрѣе возрастающимъ. Культурное сознаніе общества со временемъ все болѣе опережаетъ дѣйствительную обезличенность его членовъ и, опережая, нудитъ ее своимъ авторитетомъ.

69. — Средствъ обезличенія, какъ сказано, три: нравственная дисциплина, знаніе и техника. Каждое изъ этихъ трехъ воспитательныхъ средствъ имѣетъ свое частное назначеніе: дисциплина—обуздывать чувство, знаніе—познавать міровые законы, техника — преображать естество; и потому каждое развивается самостоятельно. Но дѣйствуя раздѣльно по цѣлямъ, всѣ три дѣйствуютъ однимъ и тѣмъ же орудіемъ—отвлеченіемъ, и потому ихъ вліяніе на личность тождественно. Исторію человѣчества можно разсматривать, какъ чередованіе ихъ господства. Отдѣльное общество то съ ревностью предается прямому воспитанію воли, уча личность смиряться предъ велѣніями вѣры, то силою обезличенія, пріобрѣтенной въ религіозной практикѣ, быстро подымаетъ на высшую ступень знаніе, а съ нимъ и трудъ, и вслѣдъ затѣмъ снова обрушивается на волю дисциплинарнымъ навыкомъ углубленнаго знанія и усовер-

шенствованной техники. Но въ подъемѣ и паденіи отдѣльныхъ волнъ совершается дѣйствіе общаго закона: долгъ, знаніе и трудъ, раздѣльно воздѣйствуя на личность, преображаютъ ее цѣлостно. Вотъ почему въ преддверіи культуры съ незапамятныхъ временъ поставлена школа, чтобы еще неокрѣпшему духу прививать двойной орудійный навыкъ—готовность самому терпѣть отвлеченіе, и способность дѣйствовать чрезъ отвлеченіе во-внѣ. Воспитаніе и образованіе, сообщаемыя школой, тождественны по смыслу; они взаимно питаютъ другъ друга и двойной обработкою—дисциплины и знанія—тѣмъ успѣшнѣе обезличиваютъ духъ.

70. — Нѣкогда человѣкъ былъ звѣрь и цѣленъ какъ звѣрь. Но въ первобытной цѣльности духа забрезжило смутное чаяніе совершенства, и постепенно разгорѣлось солнцемъ въ увѣренное предвидѣніе предѣльнаго совершенства—въ религію. Что было въ отдѣльной личности наиболѣе неповторимо-завѣтнаго, то предстало какъ объективный законъ; такъ возникло первое чувство сверхличнаго долга, первое побужденіе личности къ самоотреченію. Религія явилась первой по времени и самой могущественной школой обезличенія; слѣдовательно обезличеніе человѣка началось добровольно и безкорыстно. Но въ первыхъ же зачаткахъ религіи открылось чудо: безкорыстная покорность нездѣшнимъ силамъ оказалась необычайно прибыльной здѣсь, на землѣ; обезличеніе давало чудесную власть надъ самимъ собой и надъ міромъ. Цѣльная личность всемірна и никуда не можетъ проникнуть, ни на что воздѣйствовать, даже на самое себя, ибо ей нѣтъ ничего внѣположнаго, но все въ ней и она во всемъ; вѣра же не только погашала въ человѣкѣ его страстную волю, но этимъ дѣлала его также способнымъ внѣдряться въ естество; предъ обезличеннымъ духомъ міръ раскры-

вался покорно: познавай и твори! Это было одно изъ величайшихъ открытій человѣка—что духовное древо вѣры приноситъ осязательные плоды. Невидимый Богъ оказывался подателемъ вещественныхъ благъ; отдавая ему свое личное своеволіе, человѣкъ получалъ взамѣнъ чудесные дары самообладанія и отвлеченія. Эту связь вещей человѣкъ постигъ не сознавая; не умѣлъ разглядѣть въ себѣ колесъ и приводныхъ ремней, которыми вѣра перерабатывалась въ обезличенность, а обезличенность—въ познавательную и техническую умѣлость, но видѣлъ конечныя звенья цѣпи — вѣру свою и земное благоустройство, — и правильно, хотя наивно, призналъ между ними причинную связь. Оттого и окрѣпло въ немъ сознаніе реальности Бога. А по мѣрѣ того, какъ складывалось общество и выступала на видъ круговая зависимость его членовъ, вѣра становилась всеобщимъ и принудительнымъ дѣломъ, взаимнымъ поощреніемъ всѣхъ къ обезличенію каждаго.

71. — Такъ самое интимное въ личности побуждало ее къ обезличенію; цѣлостный образъ совершенства изнутри разлагалъ личность, чтобы чрезъ ея дробленіе осуществляться во-внѣ по частямъ. На протяженіи тысячелѣтій религія оставалась главнымъ воспитательнымъ средствомъ, учила человѣка смиряться предъ сверхличной волей, и тѣмъ готовила его для культуры. Преображенный вѣрою, онъ могъ познавать и творить. И насталъ срокъ, когда вскормленныя ею наука и техника окрѣпли сами, укоренившись въ обезличенномъ духѣ; тогда религія стала, казалось, болѣе не нужна. Такъ мать невольно приближаетъ разлуку, научая ребенка знаніямъ и умѣньямъ, которыя увлекутъ его вдаль. Донынѣ воля къ самообезличенію била, какъ родникъ, изъ живого центра, изъ образа совершенства, теперь наука и техника, оторвавшись отъ вѣры,

превращаются въ аппараты механическаго обезличенія и отвлеченія. Этотъ переломъ становится явнымъ въ Европѣ съ половины шестнадцатаго столѣтія. Могучее напряженіе вѣры въ періодъ среднихъ вѣковъ разражается небывалой кипучестью естественныхъ наукъ въ XVI-мъ и соотвѣтственнымъ расцвѣтомъ техники съ конца XVIII-го. Отнынѣ наука и техника самочинны; ихъ уже не движетъ цѣлостный духъ въ очарованномъ восхожденіи: онѣ сами вырабатываютъ въ личности энергію отвлеченія и ею движутся движеніемъ самодовлѣющимъ, не вверхъ къ всецѣлому совершенству, а горизонтально въ пустую даль. Оттого такъ быстръ и безудерженъ ихъ бѣгъ на протяженіи двухъ послѣднихъ столѣтій. Но спѣшатъ онѣ въ силѣ и славѣ по давно проторенным путямъ и все новое въ нихъ—разработка древнихъ открытій. Онѣ были геніальны въ младенчествѣ—теперь онѣ только искусны.

72. — Знаніе и техника съ самаго начала устремились по двумъ путямъ; одинъ имѣлъ цѣлью прямое преображеніе человѣка, другой — преображеніе внѣшней природы, осуществимое только силами преображеннаго человѣка. Такимъ образомъ, на обоихъ путяхъ человѣку было предопредѣлено обезличеніе, тамъ какъ самоцѣль, здѣсь какъ средство. Человѣкъ подлежалъ той же обработкѣ, какой онъ самъ подвергаетъ природныя тѣла: все личное, чѣмъ одинъ отличается отъ всѣхъ, должно быть погашено въ немъ, чтобы свободно могла проявляться родовая сущность. И культура пошла по этимъ двумъ путямъ: естественно-научное знаніе и естественно-научная техника воспитываютъ человѣка какъ орудіе для внѣшней цѣли, педагогика, право, мораль и весь строй общественной жизни воспитываютъ его непосредственно въ немъ самомъ.

73. — Естественно-научное знаніе призвано, конечно,

стать нѣкогда главнѣйшимъ воспитательнымъ средствомъ; но до сихъ поръ наука въ чистомъ видѣ еще слабо воздѣйствуетъ на человѣчество. Зато она обильно вливается въ народную массу чрезъ посредство законовъ и учрежденій, особенно же чрезъ трудъ и технику, кристаллизуясь въ производствѣ, и могущественно воспитываетъ людей миріадами трояко-безличныхъ вещей, потому что созданныхъ обезличеннымъ трудомъ изъ обезличеннаго вещества на вкусъ безличнаго потребителя. Главнымъ же наставникомъ человѣка все еще остается физическій трудъ, неизбѣжный для большинства. Безъ обезличенія трудъ невозможенъ; и по мѣрѣ того какъ наука сама въ себѣ, безцѣльно и безкорыстно, вырабатываетъ наилучшіе пріемы обезличенія,— техника перенимаетъ ихъ у нея и тѣмъ совершенствуется. Полное насыщеніе техники научностью достигнуто наконецъ въ машинѣ, которая и есть совершеннѣйшее изъ внѣшнихъ орудій культуры; она обезличиваетъ трудящагося безошибочно и до конца.

74.—Но всѣхъ объемлетъ безъ исключенія и каждаго воспитываетъ поминутно отъ рожденія до смерти та многообразная система, которая имѣетъ своимъ предметомъ прямое воспитаніе человѣка. Уже первоначальное, цѣлостное обезличеніе вѣры таило въ себѣ начатки раздѣльныхъ человѣческихъ отвлеченій, зародыши права, педагогики и морали; и разрастаясь, обособляясь во времени, эти спеціальные органы еще тысячелѣтія оставались укорененными въ религіи, т.-е. въ цѣлостномъ образѣ совершенства. Они были имъ порождены въ человѣческой волѣ, какъ орудія его осуществленія, и только въ строгомъ подчиненіи ему былъ залогъ ихъ вѣрнаго дѣйствія. Но отвлеченіе и здѣсь, какъ всюду, перерождало самую ткань; оно быстро ширилось и очерчи-

вало свою сферу, одновременно дробясь внутри себя и тѣмъ дробя жизнь, пока педагогика, и мораль, и право не оторвались отъ своего общаго корня и не зажили самостоятельной жизнью. Съ тѣхъ поръ онѣ сдѣлались язвами на тѣлѣ человѣчества. Самодовольныя, безцѣльно-жадныя, онѣ разрастаются неудержимо и безъ конца дробятся внутри себя. И такъ какъ содержаніе въ нихъ изсякло, — тотъ живой потокъ воли, которымъ питалъ ихъ образъ совершенства, — а остался только самодовлѣющій методъ, отвлеченіе какъ цѣль въ себѣ, то они отдались въ подданство наукѣ, поставляющей непогрѣшимые рецепты отвлеченія для всѣхъ людскихъ нуждъ. Онѣ стали автономны, не служатъ больше цѣлостному образу совершенства, и потому ихъ махровый расцвѣтъ безплоденъ. Но, напояясь научностью, онѣ достигаютъ все большаго искусства въ обезличеніи человѣка, въ безсмысленномъ обезличеніи, которое никуда не ведетъ, но есть только отупляющая дрессировка его для внѣшней цѣли. Такъ волъ, обученный покорности и хожденію въ ярмѣ, не выше, не совершеннѣе быка; но онъ исполняетъ работу, на какую его дикій собратъ неспособенъ.

75. — Въ этой сложной воспитательной системѣ единая задача распредѣлена между многими органами. Изъ нихъ важнѣйшіе два — власть и деньги. Власть есть начало, скрѣпляющее всю систему. Власть основана на отвлеченіи; подвластный разсматривается не какъ этотъ, особенный и впервые сущій, а какъ безразлично-единый въ общемъ составѣ подвластныхъ. Власть не знаетъ лица: ея объектъ — родовое въ личномъ. А такъ какъ отвлеченіе есть плодъ познанія, то власть рождается въ познаніи и имъ же питается. Только знаніе даетъ власть надъ познаннымъ, другой власти нѣтъ. И потому, какъ бы ни были скрыты позна-

вательные корни власти, они всегда существуютъ; даже Наполеонъ, попавъ на Марсъ, безъ знанія марсіанъ не пріобрѣлъ бы власти. То знаніе, изъ котораго первоначально возникаетъ власть, разумѣется, въ высшей степени грубо и неточно; оно совершенствуется со временемъ, и власть, если она правильно сознаетъ свои интересы, естественно вступаетъ въ общеніе съ зарождающейся наукой, и ласкаетъ ее, и черпаетъ въ ней все болѣе точные методы отвлеченія, чѣмъ и крѣпнетъ.

76. — Но знаніе, какъ сказано, двулезвейно; мы познаемъ родовое въ единичномъ, поскольку въ насъ самихъ родовое начало превозмогаетъ личность, и всякое отвлеченіе есть въ сущности самоотвлеченіе. Поэтому и власть, какъ основанная на отвлеченіи, можетъ излучаться только изъ самоотрѣшающейся воли, какъ свѣтъ изъ сгорающей свѣчи. Первымъ властителемъ былъ не сильнѣйшій, а наиболѣе способный на самоотрѣшеніе и потому наиглубже постигшій родовую тожественность многихъ. Этотъ законъ власти былъ, разумѣется, очень рано угаданъ людьми. Платонъ предлагалъ вручать власть философамъ, т.-е. тѣмъ, кто въ опытѣ чистаго познанія болѣе всѣхъ людей научился погашать свою личность; но и задолго до Платона царство было у всѣхъ народовъ неотдѣлимо отъ жречества, потому что непосредственное подчиненіе божеству обезпечивало въ царѣ наибольшее самообузданіе. Въ первобытномъ обществѣ, гдѣ личность еще сравнительно цѣльна, власть зарождается по мѣрѣ того, какъ знаніе, трудъ и вѣра обнажаютъ въ личности родъ; личное своеобразіе вывѣтривается, и изъ-подъ него проступаетъ гранитная основа: обезличиваемые познаютъ свою тожественность. Тогда возникаетъ потребность создать планомѣрный образъ совмѣстнаго существованія тожественныхъ; первой формой

его является вѣче. Оно несговорчиво и безпомощно, потому что каждый членъ его — еще рѣзко-выраженный характеръ. Когда растущему спросу снизу приходитъ навстрѣчу сверху геніальная самоотрѣшенность одного, то зачинается царство. Такъ возникаетъ связь власти и подчиненія. Эта связь, по общему закону отвлеченія, разъ возникнувъ, самочинно укореняется и растетъ. Власть уже сама становится могучимъ средствомъ обезличенія, подчиняя каждаго единымъ для всѣхъ законамъ, и по мѣрѣ того какъ обезличиваетъ, геометрически крѣпнетъ для дальнѣйшаго обезличиванія.

77. — На этой стадіи власть вырабатываетъ свою механику. Власть по существу формальна и служебна; но кристаллъ отвлеченія, здѣсь, какъ и всюду, вызываетъ кристаллизацію всей сферы; и вотъ начинается расширеніе и внутреннее дѣленіе власти, совершенствованіе ея техники, гармонизація ея частей. Власть превращается въ самозаконный организмъ внутри націи и пріобрѣтаетъ собственную волю, которая есть частью формальная воля ея техники, частью произволъ ея носителей. Отнынѣ власть закупорена для циркуляціи народной воли, и вслѣдствіе этой закупорки болѣзненно разрастается, изнуряя жизнь правовымъ отвлеченіемъ.

78. — Такъ какъ властвованіе и повиновеніе соотносительны, то власть равно можетъ проистекать либо изъ самоотрѣшенія правящихъ, либо изъ обезличенія подданныхъ. На первыхъ порахъ дѣятельнымъ началомъ въ союзѣ является властвованіе: оно насильственно внѣдряетъ въ личность родовую волю и тѣмъ обезличиваетъ ее. Заодно съ принудительными нормами власти въ томъ же направленіи работаетъ вся педагогика обезличенія, образующая культуру, — религія, знаніе, техника и пр. Но съ ростомъ

общаго обезличенія центръ тяжести постепенно передвигается сверху внизъ, изъ властвованія въ подчиненіе. Большинство подданныхъ становится все болѣе однороднымъ и личность все рѣже протестуетъ противъ уравнительнаго закона, а съ тѣмъ вмѣстѣ отпадаетъ необходимость принужденія. Слѣдовательно насиліе не есть внутренно-обязательная принадлежность власти. Власть только до тѣхъ поръ присвоиваетъ себѣ монополію насилія, пока въ обществѣ много не сломленнаго личнаго своеобразія, которое надо отсѣкать мечомъ; когда же масса достаточно обезличена, власть неизбѣжно теряетъ характеръ внѣположной народу, т.-е. принудительной силы. Родовая воля въ каждомъ побѣдила личность и потому каждый добровольно подчиняется общему приговору, какъ велѣнію объективнаго разума; власть и подданство совпадаютъ: возникаетъ демократическій строй, самоуправленіе.

79. — Деньги — одно изъ геніальнѣйшихъ созданій культуры, какъ орудіе уравнительное по преимуществу. Рубль двуликъ, какъ Янусъ: онъ смотритъ назадъ и впередъ. Въ сознаніи трудящагося рубль есть прежде всего опредѣленный образъ прошлаго, именно воспоминаніе о трудѣ, затраченномъ на его пріобрѣтеніе. Въ трудовомъ рублѣ это воспоминаніе бываетъ весьма тяжело, въ нетрудовомъ оно совсѣмъ отсутствуетъ; слѣдовательно въ качествѣ воспоминанія цѣнность рубля есть величина субъективная и перемѣнная. Вторымъ лицомъ рубль обращенъ къ будущему, какъ ручательство за осуществленіе многихъ желаній. И такъ какъ составъ желаній и степень ихъ настоятельности совершенно различны въ разныхъ людяхъ и даже по времени въ одномъ и томъ же человѣкѣ, то и вторая цѣнность рубля, обращенная къ будущему, очевидно вполнѣ субъективна. Изъ этихъ-то двухъ перемѣнныхъ

складывается общая цѣнность рубля. Для чернорабочаго она равна вѣсу его тяжелаго дневного труда плюсъ вѣсъ его насущныхъ потребностей; напротивъ, въ рукѣ милліонера рубль легковѣсенъ, такъ какъ первый вѣсъ въ немъ отсутствуетъ, а второй измѣряется потребностями обычно не-настоятельными. Отсутствіе воспоминанія въ нетрудовомъ рублѣ дѣлаетъ то, что даже при равныхъ потребностяхъ деньги легко нажитыя издерживаются легче. Наоборотъ, тяжесть воспоминанія въ рублѣ подчасъ такъ велика, что вытѣсняетъ изъ сознанія цѣнность рубля, обращенную къ будущему. Оттого люди тяжелаго труда часто сорятъ своимъ заработкомъ или пропиваютъ его, чтобы кратковременнымъ угаромъ заглушить воспоминаніе. Здѣсь покупная цѣнность заработанныхъ денегъ такъ несоизмѣримо мала сравнительно съ затраченнымъ усиліемъ, что человѣкъ презираетъ ее и топчетъ ногами, какъ тотъ, кто, купивъ много билетовъ въ лоттереѣ-аллегри, выигралъ одну бездѣлушку, которую тутъ же съ досадой отдаетъ дѣтямъ. Итакъ, въ дѣйствительности ни одинъ рубль не равенъ другому. Но культура отрицаетъ въ рублѣ всѣ субъективныя различія и узаконяетъ въ немъ, вмѣсто безчисленныхъ реальныхъ цѣнностей, одну неизмѣнную отвлеченную цѣнность, вслѣдствіе чего старая больная прачка-вдова, талантливый и бѣдный композиторъ и никогда не трудившійся акціонеръ получаютъ въ обмѣнъ на свой рубль одно и то же количество хлѣба или лѣкарства. Это страшное дѣло стало привычнымъ; личность уже до такой степени умерщвлена въ человѣкѣ, что почти не чувствуетъ боли, когда при каждой тратѣ объективный разумъ кладетъ ее на Прокрустово ложе и отсѣкаетъ все то, чѣмъ она въ данномъ рублѣ именно безпримѣрна: субъективность воспоминанія и субъективность потребности. Сердце-то живо

и истекаетъ кровью въ міръ, но разумъ личности умеръ или зарылся въ илъ, не видитъ, что съ этой кровью уходитъ изъ личности самая жизнь. Другого назначенія деньги не имѣютъ: они — только знакъ, что личное отсѣчено безъ остатка; и символическій смыслъ денегъ обнаруживается въ томъ, что его носителемъ можетъ быть безразлично и кусокъ полезнаго металла, и ничего не стоющій обрѣзокъ бумаги. Міровая дѣятельность денегъ колоссальна. Изо дня въ день ежеминутно, въ милліонахъ и милліонахъ отдѣльныхъ актовъ, они обгладываютъ личность, какъ вороны падаль, — и сами они, и еще болѣе хищныя дѣти ихъ: вексель, акція и пр. Между тѣмъ они были изобрѣтены нѣкогда для нуждъ еще индивидуальнаго обмѣна. Такъ и всякій органъ общественнаго быта, возникшій для пользы цѣлаго, превращается при безудержномъ ростѣ отвлеченія изъ здороваго и нужнаго органа въ болѣзненный наростъ, и непрестанно дѣлясь внутри себя, множитъ число наростовъ, смертельно изнуряющихъ человѣчество.

80.—Деньги, безъ сомнѣнія,—самое совершенное уравнительное орудіе, какимъ располагаетъ культура, но и всѣ другіе ея органы служатъ той же задачѣ. Общественный строй основанъ всецѣло на отвлеченіи; общество отрицаетъ всякую неотчуждаемую личную особенность и признаетъ реальными только составъ и механику силъ, одинаковые во всѣхъ людяхъ. Каждое проявленіе индивидуальной воли разсматривается въ отвлеченіи отъ личности, какъ законченный и объективный фактъ, и оцѣнивается и подвергается воздѣйствію наравнѣ со всѣми однородными проявленіями всѣхъ другихъ личностей. Отвлеченіемъ дѣйствуютъ двѣ гигантскихъ системы, приводимыхъ въ движеніе — одна властью, другая—деньгами: право и экономика. По одному или немногимъ общимъ признакамъ государство

соединяетъ въ классы или сословія милліоны различныхъ людей и предписываетъ имъ одни и тѣ же права и обязанности, высчитанныя путемъ отвлеченія. Статьею уголовнаго закона оно отвлекаетъ отъ конкретности поступокъ глубоко-своебразный какъ по причинамъ, такъ и по послѣдствіямъ, и судитъ его на основаніи объективной нормы. На отвлеченіи основаны трудъ, торговля и промышленность, всѣ законы нравственности, приличія и моды, даже половая жизнь въ видѣ продажной любви. Человѣкъ вплотную охваченъ со всѣхъ сторонъ адской тысячерукой машиной: какъ спастись? Когда ему грозитъ явная опасность, отъ голода или холода, отъ нападенія или болѣзни,—онъ защищается; но культура изобрѣла другой способъ: она не пронзаетъ личность до дна въ одной точкѣ,—нѣтъ; но острымъ ножомъ отвлеченія она снимаетъ съ личности почти безбольно каждый разъ лишь одну тончайшую оболочку цѣликомъ, и не навсегда, а только на мгновеніе, вотъ, пока я совершаю это частное дѣйствіе въ общественной средѣ. Но этихъ дѣйствій такъ много и способы отвлеченія такъ искусны,—смотришь, твоя личность расточена безъ остатка.

81.—Въ безконечномъ ряду поколѣній, все болѣе разгораясь орудійной алчностью, человѣкъ исказилъ свою природу, и нынѣ онъ рождается уже готовымъ для орудійнаго творчества; его духъ перерожденъ наслѣдственнымъ навыкомъ отвлеченія. Здѣсь онъ съ первой минуты вступаетъ въ кругъ безличныхъ вещей, потомъ въ кругъ отвлеченныхъ понятій, и наконецъ въ кругъ отношеній, основанныхъ на отвлеченіи. Потомъ школа искусно и долго учитъ его подавлять въ себѣ непосредственныя движенія воли и насыщаетъ его духъ отвлеченнымъ знаніемъ. Когда же, обученный для дѣятельности, не для бытія, онъ выхо-

дитъ въ жизнь, она объемлетъ его хороводомъ мятущихся призраковъ, и самъ онъ покорно растворяется въ ней. Природу онъ воспринимаетъ какъ систему безличныхъ силъ; на что ни обратитъ взглядъ, чего ни коснется рукою, все сбрасываетъ свой ликъ и являетъ устрашающій остовъ рода. Дубъ ли растетъ у дороги, держишь ли камень въ рукѣ,—ты тщетно силишься разглядѣть собственныя черты *этого* дуба, *этого* камня: туманъ родовыхъ представленій заститъ взоръ. Но и общество людей сливается предъ нимъ въ сѣрую массу. Всѣ ихъ общенія орудійны; человѣкъ разучился видѣть въ братѣ своемъ цѣлостное и неповторимое, а разложилъ его, и тѣмъ самымъ себя, на общіе признаки. На что мнѣ знать лицо продавца, извозчика, почтальона?—мнѣ нужна въ нихъ работа родовыхъ силъ. И самъ я для нихъ не личность, а объектъ ихъ воздѣйствія, единица родовой группы. И нѣтъ разницы между человѣкомъ и вещью: для государства гражданинъ, для торговца покупатель, для фабриканта рабочій — только экземпляры соотвѣтственныхъ видовъ, какъ для покупателя товаръ и для рабочаго дерево, которое онъ строгаетъ. Такъ изо дня въ день мы живемъ въ отвлеченіи, общаемся не съ личностями, но сквозь личности—съ ихъ субстанціей, и сами на каждомъ шагу терпимъ отвлеченіе надъ собою. Въ этомъ мірѣ орудійной ярости человѣкъ ежеминутно чувствуетъ себя разлагаемымъ на свои родовыя свойства; каждое дѣйствіе ближняго возводитъ его на эшафотъ. Среди неисчислимыхъ отвлеченій, совершаемыхъ надо мною, гдѣ моя личность? Она растерзана въ клочья, ее клюютъ, какъ падаль, и продавецъ, и законъ, и рубль, и вещи, окружающія меня. А сердце тоскуетъ и зябнетъ, потому что сердце живетъ только личнымъ. Только полъ, неугасимо горящій въ насъ, еще озаряетъ и грѣетъ сбли-

жаемыхъ имъ. Смотри, какъ вокругъ его костра тѣснятся мужчина и женщина, родители и дѣти, братья и сестры, какъ они грѣютъ здѣсь свои холодѣющія сердца, какъ въ невѣрномъ свѣтѣ жадно ловятъ неповторимыя, своеобразіемъ милыя черты! Спѣши и ты насмотрѣться полуослѣпшими глазами на лицо, любимое тобою! Это—послѣднее, что ты еще видишь раздѣльно.

82.—Трагизмъ человѣческой судьбы—въ томъ, что человѣкъ поставленъ въ необходимость примирять два противорѣчивыхъ начала. Пока личность цѣлостна, она неизбѣжно воспринимаетъ и всякое другое созданіе как цѣлостное, какъ личность, и потому встрѣчаетъ неодолимую преграду въ личныхъ воляхъ всего, что ее окружаетъ; т.-е., какъ цѣлостный, человѣкъ не свободенъ. Свободу личность обрѣтаетъ только чрезъ отрицаніе и разрушеніе чужихъ личностей; но разрушать ихъ она можетъ только разрушая собственную цѣлость. Она становится тѣмъ могущественнѣе во-внѣ, чѣмъ болѣе дробится внутренно; въ завоеваніяхъ она утрачиваетъ свое сосредоточенное единство, какъ армія Александра Македонскаго, оставлявшая гарнизоны въ покоренныхъ городахъ. На выборъ даны—либо полнота, непосредственность, природная напряженность человѣческой воли, и съ ними—ея совершенное безсиліе въ мірѣ, либо дѣйственное могущество воли, но вмѣстѣ съ хилостью, подрывающей самое могущество. Тамъ изначальная немощь, здѣсь немощь какъ неизбѣжный конецъ.

83.—Наука есть только провѣренное и упорядоченное воспріятіе, техника учитъ пріемамъ внѣдренія, но ни та, ни другая не способны рождать изъ себя творчество. Для того, чтобы былъ созданъ горшокъ, нужны были не только знаніе свойствъ глины и умѣнье сдѣлать горшокъ: нужна была еще идея горшка. Откуда же она? Человѣкъ объ-

емлетъ рядъ единичныхъ явленій родовымъ понятіемъ, и рядъ другихъ—другимъ родовымъ понятіемъ; изъ двухъ родовыхъ понятій онъ образуетъ умозаключеніе, которое выражаетъ неизмѣнность ихъ взаимнаго отношенія. Владѣя однимъ умозаключеніемъ или многими разнородными, онъ знаетъ, но еще не можетъ дѣйствовать: для дѣйствія онъ долженъ обладать по крайней мѣрѣ двумя умозаключеніями, имѣющими общій членъ. Онъ образовалъ два отвлеченныхъ понятія: человѣкъ и смерть; потомъ установилъ постоянство ихъ отношенія и получилъ умозаключеніе: всѣ люди смертны. Точно такъ же онъ изъ двухъ родовыхъ понятій: цикута и смерть, образовалъ второе умозаключеніе: цикута причиняетъ смерть. Теперь у него ихъ два; и вотъ онъ скрещиваетъ ихъ въ ихъ общемъ членѣ, въ понятіи смерти, и получаетъ правило техники: сокомъ цикуты можно убить всякаго человѣка. Теперь онъ не только знаетъ, но и умѣетъ. Однако, какое отношеніе имѣютъ это знаніе и это умѣнье аѳинскихъ судей къ судьбѣ Сократа? Пусть себѣ судьи знаютъ это, какъ и многое другое,— Сократъ пойдетъ домой обѣдать. Да: ихъ знаніе и умѣнье сами по себѣ инертны, но пріобрѣтаютъ жизнь и реально вторгаются въ міръ—въ силу замысла, лежащаго внѣ ихъ и не имѣющаго по своей природѣ ничего общаго съ ними: воля человѣка сообщаетъ имъ движеніе и указываетъ ихъ движенію путь. А воля—это личность въ человѣкѣ. Только цѣлостная личность движетъ сильно и по вѣрному направленію, потому что въ ней жарко пылаетъ образъ совершенства. Культура сама готовитъ себѣ гибель, ослабляя и калѣча изъ чрезмѣрной жадности свою единственную движущую силу—индивидуальное желаніе.

84.—Міръ оживленъ какъ никогда, гуломъ и грохотомъ цѣлесообразныхъ движеній полна земля: это ли гибель

культуры? Прилежно трудятся милліоны рукъ, вертятся колеса безчисленныхъ машинъ, геніальныхъ машинъ, съ каждымъ днемъ все болѣе геніальныхъ; наука шутя посрамляетъ умъ своими открытіями, техника—фантазію; за два вѣка міръ небывало расцвѣлъ довольствомъ, безопасностью, просвѣщеніемъ. Все это богатство объективный разумъ нажилъ усердіемъ своей вѣрной рабыни—личности. Но за долгія тысячелѣтія личность изнурена самообузданіемъ и трудомъ. Самъ объективный разумъ, движимый ея же энергіей, слабѣетъ съ ея угасаніемъ и уже больше не диктуетъ ей новыхъ замысловъ. Вся эта кипучая дѣятельность культурнаго человѣчества—уже не страстное творчество, какъ когда-то, а только виртуозная разработка древнихъ идей и, больше всего, — повтореніе, несчетное множеніе. Объективный разумъ, конечно, издавна предвидѣлъ эту опасность и поступалъ какъ добрый хозяинъ, который подкармливаетъ своего переутомленнаго вола. Вотъ почему культура никогда не шла однимъ путемъ — обезличенія, но всегда, съ древнѣйшихъ временъ, дѣлала уступки личности, до поры не изгоняла ее изъ тѣхъ убѣжищъ, гдѣ она еще сохраняла свою цѣльность. Такъ, когда личность построила себѣ семью, культура одобрила ея выдумку и всей своей властью оградила неприкосновенность семьи: ей было выгодно, чтобы личность набиралась силъ въ семьѣ. Ей было выгодно, чтобы религія и искусство поддерживали въ личности врожденный ей жаръ, готовность жить и творить,—и она взяла ихъ подъ свое покровительство и не скупилась на вспомоществованіе имъ. И въ наши дни соціальный бытъ еще во всѣхъ направленіяхъ изборожденъ стезями, на которыхъ личность сравнительно безопасна, и каждый день культура изобрѣтаетъ или, можетъ быть, разрѣшаетъ новыя средства къ частич-

ному огражденію личности, особенно въ педагогикѣ и правѣ. Но все тщетно: логика культуры сильнѣе ея предусмотрительности. Отвлеченіе — ея единственный методъ; и отвлеченіемъ она не можетъ не шириться, и потому неизбѣжно разлагаетъ отвлеченіемъ все уцѣлѣвшее въ личности, разрушаетъ всѣ убѣжища цѣльности, выстроенныя съ ея-же помощью. Только одна есть въ мірѣ цѣлесообразно дѣйствующая сила: страстное хотѣніе, питаемое образомъ совершенства; но страсть беззаконна предъ очами разума; какъ же сдѣлать, чтобы подчинить стихію закону, не ослабляя ее? Обезличеніе человѣка влечетъ за собою сперва сумасшествіе, а потомъ и смерть культуры.

VIII.

85.—Любовь есть полярная противоположность культуры, потому что любить значитъ какъ-разъ цѣлостно воспринимать чужую личность. Этотъ образъ любимаго, напечатлѣнный въ тебѣ, образъ его живого единства,— онъ твой, только твой; утверждая его, ты утверждаешь цѣлостное своеобразіе твоей собственной личности. Невѣрно говорятъ, будто въ любви человѣкъ отрѣшается отъ своего „я"; напротивъ, только любящій въ своей любви реально полагаетъ себя и познаетъ себя, какъ недѣлимое и единственное; только въ любви личность неприкосновенна, какъ въ неприступной крѣпости. Любовь есть высшая школа самопознанія, ибо она одна даетъ человѣку полное самопознаніе, тогда какъ творчество учитъ насъ знать себя только частично; а познавать себя значитъ познавать свой образъ совершенства. Ты въ готовомъ стулѣ увидалъ твой образъ болѣе совершеннаго стула; во-

плотивъ этотъ идеальный образъ, ты въ стулѣ, созданномъ тобою, отчетливо познаешь опредѣленныя черты твоего образа совершенства. Художникъ въ своемъ творенiи воплощаетъ и дѣлаетъ для себя реальными многiя еще туманныя черты своего образа совершенства; но только любящiй воочiю созерцаетъ въ любимомъ весь свой образъ совершенства, не расчлененный, не отчетливый въ частяхъ, но полный, и именно въ силу полноты невоплотимый и невыразимый.

86.—Когда мать, въ отсутствiи, мысленно вызываетъ предъ собою образъ своего ребенка, ея страстное видѣнiе какъ бы ограждаетъ его крѣпкой стѣною и повелѣваетъ всѣмъ вещамъ: „да будутъ его бытiе и цѣлость неприкосновенны!“ Этотъ образъ ея ребенка создался въ ней глубоко-лично; въ его своеобразiи она утверждаетъ свое, въ его ненарушимости цѣла ея собственная личность. Люди всегда смутно чувствовали роковую связь между человѣкомъ и его зеркальнымъ отраженiемъ: въ любви эта связь осязательна. Любимый ребенокъ—зеркальная поверхность, въ которой мать видитъ отраженной себя, такъ что образъ ребенка, живущiй въ ней,—отраженiе ея собственнаго лика. Но любовь—магическое зеркало: въ ней реально живы оба—и отражающiй предметъ, и глядящiйся ликъ, мать и ребенокъ; и не только зеркальный образъ точно воспроизводитъ малѣйшее измѣненiе глядящагося лика, но и наоборотъ, глядящiйся ликъ реально претерпѣваетъ всякое измѣненiе отражающаго предмета. Поэтому связь любви не призрачна, а совершенно конкретна, дѣйственнѣе всякой другой связи на землѣ. Самая очевидная причинная зависимость матерiальныхъ вещей еще груба и относительна въ сравненiи съ этой связью. Вертикально-вращающееся колесо приво-

домъ вращаетъ горизонтальное, и переходъ ихъ вращенія можно регулировать микрометрически; но безпредѣльно полнѣе и тоньше, съ несравнимой и абсолютной чувствительностью переживаетъ мать боль и радость ребенка чрезъ измѣненіе его образа въ ней, который есть вмѣстѣ ея собственный образъ.

87.—Поэтому сладко также и быть любимымъ. Всѣ общенія разлагаютъ тебя, каждое утверждаетъ, какъ единственную реальность въ тебѣ, лишь родовой признакъ, тотъ или этотъ. Но ты вѣдь не связка признаковъ: ты живой и цѣльный. Оттого томится духъ въ орудійныхъ общеніяхъ, и меркнетъ въ немъ его огненный центръ, образъ совершенства. Только въ любящемъ взорѣ ты можешь видѣть себя отраженнымъ цѣлостно, неразложимой и безпримѣрной личностью. И какая радость вѣчно снова находить себя здѣсь, возвращаясь съ люднаго торжища, чувствовать себя цѣлымъ въ оградѣ чужой цѣлости, въ любящемъ сердцѣ, которое ради собственнаго своего спасенія собрало и хранитъ въ себѣ твой расточаемый ликъ! Такъ древняя мудрость Египта олицетворила въ образахъ силу любви. Сынъ земли и неба Озирисъ—не Человѣкъ ли? Его убилъ родной братъ и тѣло его разсѣкъ и разнесъ во всѣ концы вселенной; не каждый ли день родной братъ убиваетъ Человѣка, разсѣкая на части? И Горусъ, въ самой смерти рожденный имъ отъ его небесной сестры,—не любовь ли, Эросъ грековъ? Горусъ любящій собираетъ члены Озириса и поцѣлуемъ вдыхаетъ въ тѣло освобожденную душу. Отнынѣ Озирисъ безсмертенъ, ибо любовь побѣдила смерть; и отнынѣ всѣмъ людямъ открыта тайна воскрешенія любовью, чтобы всякій могъ ею воскреснуть и воскрешать.

88.—Кто любитъ, въ томъ образъ совершенства воз-

бужденъ къ дѣйствію: либо осуществляетъ себя чрезъ любимаго, либо по крайней мѣрѣ утверждаетъ себя дѣйственно чрезъ огражденіе любимаго; кто любимъ, тотъ лишь удостовѣреніемъ любящаго наученъ знать въ себѣ образъ совершенства. Уже и знать себя личностью въ нашемъ орудійномъ мірѣ—благо. Горе тому, кто не видитъ себя цѣлостнымъ ни въ чьемъ любящемъ взорѣ! Онъ быстро распадается въ мірѣ, ибо, какъ обручи бочку, такъ человѣка изнутри скрѣпляетъ ощущаемый образъ совершенства. Быть любимымъ значитъ уцѣлѣть, не больше; напротивъ, любящій не только знаетъ себя личностью, но и воплощаетъ свое личное начало, въ воплощеніяхъ познавая его все глубже.

89.—Половая любовь—по существу не любовь, а лишь природно-орудійное влеченіе. Но механически сближая двухъ человѣкъ тѣснѣйшею связью, она легко и легче всякаго другого общенія разгорается въ любовь. И такъ какъ взаимное влеченіе мужчины и женщины, во-первыхъ, всеобще, во-вторыхъ, неодолимо по силѣ, то чаще всего любовь, вынуждаемая орудійностью культуры, искони отливается въ эту неполную, но всегда подручную форму.

90.—Любовь не врождена человѣку; способность и потребность любить возникаютъ лишь въ ходу культуры. Человѣку, какъ и всему живому, изначально присущи только двѣ формы воспріятія: мимолетное цѣлостное воспріятіе чужой личности, и воспріятіе орудійное, частичное. Любовь есть не что иное, какъ углубленіе мимолетнаго цѣлостнаго воспріятія, и зарождается она въ противовѣсъ орудійности, обуревающей человѣка. Любовь стала нужна по мѣрѣ того, какъ отвлеченіе, первоначально слабое и хаотическое, вырабатывало свои планомѣрные способы и все искуснѣе разлагало личность изнутри, какъ

дѣятеля, и извнѣ, какъ жертву: тогда человѣкъ, ища спасенія, научался дольше прежняго задерживаться въ своемъ непосредственномъ воспріятіи, т.-е. научался длительно пребывать въ чужой личности, чтобы въ ней ощущать себя цѣлостнымъ. Такъ среди скорби радостная рождалась въ міръ любовь. И тотчасъ, подобно малой искрѣ, она разгорѣлась всѣмъ, что есть соціальнаго въ природѣ человѣка: животной страстью пола, материнской заботой, нуждою въ сотрудничествѣ. И въ животномъ царствѣ пары до времени неразлучны, самка заботится о дѣтенышахъ, особи соединяются для охоты или самозащиты. Но пары расходятся безвозвратно, едва птенцы оперились—мать покидаетъ ихъ, и въ волчьей стаѣ, въ муравьиной кучѣ не рождается дружба. Потому что въ низшей природѣ всякое общеніе личностей служитъ лишь нуждамъ рода и съ достиженіемъ родовой цѣли автоматически гаснетъ. Только человѣкъ узналъ въ инстинктивномъ общеніи, сверхъ родовой пользы, свою личную выгоду и взялъ въ свое вѣдѣніе природный даръ. Не такъ, какъ мыслятъ историки,— не стихійной волею рода созидался въ человѣчествѣ семейный строй, но самъ человѣкъ по своей волѣ тысячелѣтія учился длить и упрочивать звѣриное общеніе, пока не преобразилъ его въ семейный союзъ, самъ строилъ храмину, гдѣ могъ бы укрыться отъ своей неудержимой активности. Природою ли велѣно человѣку жить въ пожизненномъ супружествѣ? Нѣтъ: родовой инстинктъ, явственный даже понынѣ, влечетъ его къ многобрачію. И неугасимая любовь родителей къ дѣтямъ развѣ не тормазитъ родовую жизнь, искусственно создавъ столь долгую продолжительность безпомощнаго дѣтства, какой не знаетъ остальная тварь? Но самочинная воля личности превозмогла и покорила себѣ родовую волю. Самъ разлагая себя отвле-

ченіемъ, человѣкъ уже на зарѣ культуры смутно ощутилъ могильный холодъ наступающаго Числа; и былъ мигъ, когда, кинутый волею рода, какъ столько разъ прежде, въ объятія человѣческой самки, онъ безотчетно остановилъ свой взоръ на ней и она на немъ, и оба впервые постигли неизреченную радость знать другъ друга единственными и во взаимной единственности ощущать свою отдѣльную цѣлость. То же чувство познала мать, кормя, какъ звѣрь, своего ребенка—и съ безсознательной корыстью, уже для самой себя, стала длить свои заботы о немъ и продлила любовь дальше всѣхъ заботъ, потому что нѣтъ большей отрады человѣку, какъ въ аду отвлеченія утверждать свою нераздѣльную личность цѣлостнымъ и долгимъ воспріятіемъ чужой.

91.—Непосредственное воспріятіе говоритъ встрѣчному созданію: „Ты еси“, т. е. вижу, что ты наравнѣ со мною существуешь какъ личность. Изъ этой точки выходятъ два пути: орудійность и любовь. Орудійность говоритъ въ слѣдующее мгновеніе: „Но твое отдѣльное бытіе—ложь, твоя личная форма—призракъ: она должна быть разрушена. Не буди!“ Напротивъ, въ любви человѣкъ говоритъ любимому: „Буди! ты подлинно личность, и будь ею вѣчно; хочу, чтобы ты навсегда сохранился какъ личность“. Поэтому остріе любви направлено противъ отвлеченія и орудійности, разрушающихъ личность любимаго; а ея положительное хотѣніе—чтобы любимый осуществлялъ свой образъ совершенства. Ибо любить значитъ любить личность не въ ея неподвижности, которой и нѣтъ (неподвижность вещей—только условная предпосылка познанія), но въ ея цѣлостномъ движеніи, въ ея непрерывномъ преображеніи: въ ея образѣ совершенства.

92.—Человѣку доступна нынѣ двоякая дѣятельность: орудійное творчество и любовь. Въ орудійномъ творче-

ствѣ онъ присвоиваетъ себѣ и цѣлесообразно перемѣщаетъ частицы міровой субстанціи и частично узнаетъ свой образъ совершенства по новой формѣ, какую онъ даетъ своей добычѣ; въ любви же, ничего не присвоивая и ничего не измѣняя, онъ цѣлостно созерцаетъ и осуществляетъ свой образъ совершенства. Любовью онъ утверждаетъ свою личность вполнѣ, въ орудійномъ творчествѣ онъ разлагаетъ свою личность, чтобы утвердить себя частично. Орудійное творчество неизмѣнно сопряжено съ разрушеніемъ чужой личности; напротивъ, любовь паче всего лелѣетъ цѣлость единичнаго. И, словомъ, творчество обоюдно разрушаетъ единичную форму, любовь обоюдно охраняетъ ее.

93.—Ибо жизнь природы есть не только движеніе, но движеніе и равновѣсіе вмѣстѣ. Въ водоворотѣ неисчислимыхъ движеній личность возникаетъ какъ временное ихъ согласіе, какъ точка покоя, словно природа непрерывно провѣряетъ себя творчествомъ, равномѣрно ли совершается развитіе ея отдѣльныхъ силъ. Но для того, чтобы провѣрка была показательной, личность должна являть природу въ дѣйствіи, т.-е. должна умѣть жить, должна фактически жить. Съ тѣмъ вмѣстѣ она перестаетъ быть только зеркаломъ вселенской гармоніи: въ своемъ бытіи она становится активнымъ блюстителемъ и творцомъ вселенской гармоніи. Создавъ жизнеспособную личность, природа говоритъ себѣ: „я здорова“; мигъ созданія—мигъ ея торжества. Но личности она даетъ завѣтъ: „блюди мою соразмѣрность“,—и только личность преступно даетъ усилиться въ себѣ одному природному началу,—она подлежитъ казни. Такъ личность сочетаетъ въ себѣ покой и движеніе: она—живое, т.-е. само себя возстановляющее равновѣсіе дѣйствующихъ и непрерывно растущихъ силъ. Личность—по истинѣ микрокосмъ, потому что въ ней не только во-

площается достигнутое совершенство бытія, но и осуществляется его гармоническое развитіе къ предѣльному совершенству.

94.—И потому, созерцая живую личность, ты проникаешь въ тайнодѣйствіе міра и видишь цѣлостно его созидающееся совершенство. Войди въ живую храмину: здѣсь въ мигъ замрутъ твои раздѣльныя чувства, ты пріобщенъ вселенскому чуду, и, ясновидя въ безпамятствѣ, ты пьешь неизреченное полное знаніе. Напрасно ты колышками подтягивалъ и спускалъ твои разстроенныя струны; но погрузи твой духъ въ музыку сферъ,—она настроитъ его. Только въ личномъ личное умираетъ затѣмъ, чтобы цѣлостно воскреснуть окрѣпшимъ. Входи въ личное непосредственнымъ воспріятіемъ, входи чаще, гости дольше. Любовь есть то-же непосредственное воспріятіе, но въ его предѣльной формѣ,—самое страстное и самое длительное воспріятіе личнаго, какъ цѣлости; любовью ты глубоко и надолго погружаешь твой духъ въ тайну творенія. Практическая цѣнность любви неизмѣрима, потому что любовь—орудіе важнѣйшаго для людей познанія о мірѣ,—цѣлостнаго познанія. Нашъ разумъ чрезъ науку добываетъ знаніе объ отдѣльныхъ уже окрѣпшихъ законахъ и ихъ немногихъ соединеніяхъ; но только въ непосредственномъ воспріятіи, и особенно въ любви, мы сразу озираемъ весь строй мірозданія, и это цѣлостное знаніе, тайное и невыразимое,—оно, какъ общее чутье, добытое въ опытѣ, одно только способно ограждать насъ отъ ошибокъ въ конкретномъ дѣйствіи, одно руководитъ нами изъ центра. И если заблужденія людскія стали весьма велики, то лишь потому, что запасъ этого общаго знанія, накопленный въ далекихъ вѣкахъ, постепенно изсякаетъ.

IX.

95.—Непосредственное воспріятіе достигаетъ своей совершенной полноты въ любви, раздѣльное или отвлеченное знаніе—въ математикѣ. Любовь и математика, Личность и Число—вотъ два полюса духовной сферы, экстазъ и смерть личности, точка ея кипѣнія и точка замерзанія. Между ними лежатъ всѣ безчисленныя ступени отвлеченія, лѣстница между небомъ и землею, явленная Іакову во снѣ. Вѣрю: въ божественномъ разумѣ слиты да и нѣтъ, ибо вижу, что природа одновременно утверждаетъ личность и какъ единичное, и какъ звено ея рода. Ангелы въ сновидѣніи Іакова ходятъ по лѣстницѣ вверхъ и внизъ, потому что они неспособны обнимать, какъ Богъ, единымъ взглядомъ и личное бытіе, и орудійную безличность твари, но умѣютъ все-же восходить и нисходить разумѣніемъ. Человѣкъ давно покинулъ верхнія ступени; онъ долженъ научиться снова восходить отъ орудійности къ любви, которая въ живомъ орудіи узнаетъ и радостно привѣтствуетъ брата.

96.—Мои двое дѣтей и цифра 2—вотъ полюсы; между ними лежитъ вся лѣстница отвлеченія: двое дѣтей, два человѣка и т. д. Съ каждой ступенью внизъ реальная связь между субъектомъ и объектомъ слабѣетъ, пока въ числѣ не исчезаетъ совсѣмъ. Между мною и цифрою 2 нѣтъ отношенія; въ цифрѣ 2 бытіе разрѣшено, и я съ нимъ: какая связь возможна внутри небытія, поглотившаго насъ обоихъ? Пиѳагоръ вѣщимъ окомъ узрѣлъ внизу бездну Числа; въ звучащей струнѣ и во вращеніи небесныхъ свѣтилъ онъ первый изъ людей угадалъ математическую достовѣрность явленій; ему обязанъ человѣкъ своимъ господствомъ надъ стихійною силою, потому что онъ пер-

вый узналъ и возвѣстилъ людямъ, что измѣрить число вещи значитъ уже и овладѣть самой волей ея. Но онъ же, благой учитель, ввелъ человѣчество въ тягчайшій обманъ, ибо, охваченный головокруженіемъ надъ бездной Числа, онъ кинулъ въ вѣка ликующій кликъ безумія, гдѣ истина смѣшалась съ ложью: „Мѣрою и вѣсомъ міръ побѣдишь, ибо Число есть сущность вещей". И соблазнившись о разгаданной тайнѣ, повѣрилъ человѣкъ и въ ложь разгадки; тотъ крикъ Пиѳагора остріемъ своей правды пронзилъ вѣка, зажигая ложный свѣтъ въ умахъ. Съ тѣхъ поръ человѣчество начало планомѣрно высылать впередъ науку, какъ саперные отряды, чтобы она строила внизъ ступень за ступенью, и нынѣ, спустившись по утвержденнымъ ею ступенямъ, культурный міръ стоитъ глубоко внизу, спиной повернувшись къ вершинѣ. Послѣднее научное обобщеніе есть математическая формула, выражающая неизмѣнное количественное отношеніе между вещами; и, подчиняясь наукѣ, культура обнажила во всякой личности—число.

97.—Но число не содержитъ въ себѣ сущности, число не знаетъ ея и не хочетъ знать. Единица есть не что иное, какъ символъ однократнаго, простѣйшаго, отрѣшеннаго отъ всякой предметности логическаго акта. Она даетъ знать зрителю, что въ этомъ мѣстѣ совершилось или должно быть совершено единичное далѣе не разложимое дѣйствіе разума, безразлично, надъ чѣмъ бы ни производилось это дѣйствіе, какъ буква а указываетъ только, что здѣсь долженъ быть произнесенъ звукъ а. Поэтому единица обозначаетъ любую вещь, явленіе или событіе, какое только можетъ быть предметомъ такой простѣйшей логической операціи; и математическая формула есть извѣщеніе о томъ, какими группами и въ какомъ порядкѣ долженъ быть расположенъ данный рядъ однократныхъ простѣй-

шихъ логическихъ актовъ. Числомъ разумъ только выражаетъ на своемъ языкѣ относительное расположеніе простѣйшихъ частицъ или движеній, которыя въ совокупности образуютъ явленіе. Число ничего не изрекаетъ о сущности — оно только воспроизводитъ закономѣрность ея бытія. Сущность же міра воплощена въ лицѣ, въ живомъ единичномъ, и потому, чтобы обнять бытіе въ его цѣлости, необходимо знать и лицо, и число. Если бы міръ былъ навѣки законченъ и неизмѣненъ, какъ часы, намъ было бы довольно изучить его механизмъ; но міръ— машина живая, т.-е. непрерывно преображающаяся изнутри, міръ — безостановочное движеніе каждаго отдѣльнаго созданія и всѣхъ въ совокупности, согласованное стремленіе всей твари къ невѣдомому совершенству. Подобно тому, какъ въ катящемся колесѣ мы различаемъ во-первыхъ его строеніе и составъ, во-вторыхъ его бѣгъ, нераздѣльный съ направленіемъ бѣга, такъ и міръ не можетъ быть познанъ отдѣльно въ своей статикѣ или въ своей динамикѣ, но только въ обоихъ вмѣстѣ. Остановивъ колесо, ты видишь его отдѣльныя спицы и ихъ число, и это есть вѣрное, но еще не полное знаніе; а глядя на вращающееся колесо, ты видишь его движеніе и путь, но не видишь его сливающихся въ кругъ частей: вторая половина знанія. Такъ наука раздѣльно изучаетъ строеніе и составъ мірозданія въ его идеальной неподвижности, и кто предался наукѣ, тотъ склоненъ признавать міръ неизмѣннымъ механизмомъ и міровую жизнь—дурной безконечностью повтореній. Потому что самъ познающій—такое же катящееся колесо: чтобы познать міръ въ его статикѣ, надо не только идеально остановить познаваемое, но и реально остановиться самому. Только на бѣгу познавая бѣгущее, ты можешь постигнуть всемірное движеніе; только

цѣльный воспринимая индивидуальное, ты въ одномъ актѣ и знаешь, и живешь. Человѣкъ долженъ быть, какъ ангелы въ сновидѣніи Іакова, не какъ Іаковъ, лежащій внизу на камнѣ, но какъ ангелы, свободно восходящіе снизу во врата небесныя. Лицо и число нераздѣльны, единосущны; они двѣ ипостаси сущаго; но въ лицѣ сокрыто знаніе, въ числѣ—умѣніе, а ты долженъ и знать, и умѣть. Дикій не знаетъ Числа, и потому не умѣетъ, мы знаемъ закономѣрность безчисленныхъ природныхъ рядовъ, но забыли лицо—и потому все умѣемъ, но творимъ безъ смысла и разумѣнія. Оттого техника, по мѣрѣ своего приближенія къ Числу, стремится во всѣхъ областяхъ культуры порвать пуповину и стать независимой, такъ что самодовлѣющее умѣніе подчиняетъ себѣ и поглощаетъ жизнь.

98.—Въ незапамятную пору позналъ человѣкъ противорѣчивую двойственность своей природы. Такъ изрекаетъ Книга Бытія: человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божьему, но сотворенъ изъ праха и возвращается въ прахъ. Въ цѣльной личности своей—образъ Божій, въ своихъ слагаемыхъ частяхъ—безликая общая субстанція; не только личность, но и число, не только число, но и личность. И ты взгляни открытыми глазами, не такъ ли? Живой и цѣлый, ты въ мірѣ одинъ, какъ Богъ: тебѣ нѣтъ двойника; но разложившись въ могилѣ, ты весь растаешь въ изначальной матеріи. И не снаружи облекаетъ тебя живого образъ Божій, но каждая капля крови въ тебѣ насыщена имъ. Ибо весь составъ человѣка и все его бытіе во времени, отъ внѣшней плоти до глубочайшей глубины духовной, суть только прахъ и всеобщая закономѣрность, и нѣтъ въ немъ такого явленія, котораго наука теперь или позже не сумѣла бы разложить на однородныя единицы первичныхъ движеній; но еще и въ малѣйшемъ атомѣ

живого созданія пребываетъ и дѣйствуетъ божественное начало личности.

99.—Наслѣдственная передача признаковъ тѣлесныхъ и духовныхъ неоспоримо доказываетъ, что въ микроскопической частицѣ сѣмени содержится опредѣленность не только рода, но и лица, отца; такъ и каждый атомъ и каждое проявленіе живого тѣла суть атомъ или явленіе данной единственной личности. Но именно личное въ нихъ навѣки неизслѣдимо: его не уловятъ ни микроскопъ, ни химическій анализъ. Личное въ существѣ и есть его жизнь, и жизнь—не что иное, какъ всепроникающее, единое въ себѣ личное начало. Личность безплотна и, слѣдовательно, неизмѣрима, она и есть единое въ мірѣ, не имѣющее въ себѣ числа. Она только замыселъ; но плоть насквозь проникнута этимъ замысломъ въ своемъ строеніи и бытіи; личность дѣйствуетъ только чрезъ измѣримое, чрезъ матерію, тѣло,—только въ измѣримомъ и пребываетъ. Личное начало есть тайна, безпредѣльное, непознаваемое, а тѣло—явь, предѣлъ, количество: въ живомъ организмѣ предѣлъ и безпредѣльность непонятнымъ образомъ связаны такъ, что существуютъ только другъ чрезъ друга. Намъ говоритъ современная наука, что матеріальныя вещи образованы по законамъ скорости, т.-е. числа, изъ эѳира, который самъ по себѣ не матеріаленъ. Такъ подтверждается догадка пиѳагорейцевъ: въ мірѣ нѣтъ никакой субстанціи, никакой матеріальной энергіи, а есть только многорасчлененный и единый въ своихъ явленіяхъ божественный замыселъ, да число, чрезъ посредство котораго онъ осуществляетъ себя. Можетъ быть, личность и есть только каждый разъ особенное соотношеніе мѣръ, только строй, который въ моментъ своей должной настроенности вдругъ вспыхиваетъ во тьмѣ яркимъ пламенемъ жизни и горитъ

до тѣхъ поръ, пока не нарушена его предустановленная соразмѣрность. Вотъ почему тѣлесное поврежденіе погашаетъ личность, или, наоборотъ, съ угасаніемъ личности тѣлесные атомы распадаются. Такъ воля фабриканта согласуетъ и движетъ воли всѣхъ рабочихъ, но съ его смертью мгновенно развязывается узелъ и рабочіе превращаются въ простое сборище людей, которое неминуемо должно распасться.

100.—Оттого жизнь и познаваема, и не познаваема,—можетъ быть безконечно разлагаема на количественныя отношенія, и однако цѣликомъ протекаетъ сквозь самую мелкую сѣть закономѣрностей, какъ вода сквозь неводъ. И потому нѣтъ ни одного духовнаго дѣйствія, которое совершалось бы безтѣлесно: самая воздушная греза есть движеніе тѣлесныхъ частицъ и можетъ быть въ этомъ движеніи измѣрена количественно; но еще и въ малѣйшей молекулѣ живой плоти дѣйствуетъ, одушевляя ее, нематеріальное личное начало. Безъ него атомы не соподчинялись бы въ цѣлостномъ существованіи—въ зарожденіи и ростѣ организма, въ его самосохраненіи и цѣлесообразной дѣятельности. Организмъ есть совокупность безчисленныхъ причинныхъ рядовъ, но эти ряды подобраны и объединены въ своемъ сотрудничествѣ нѣкоей идеей—идеей личнаго предназначенія.

101.—Въ мірѣ нѣтъ матеріи и духа, но вся матерія духовна и все духовное воплощено; безпредѣльное дѣйствуетъ только чрезъ предѣльное, и всякое проявленіе предѣльнаго исходитъ изъ безпредѣльности. Поэтому движенія матеріи, передаваясь чрезъ наши внѣшніе органы мозгу, превращаются въ ощущеніе и образъ, и наоборотъ, безплотное представленіе о желаемомъ чрезъ посредство нервовъ и мышцъ вторгается въ матеріальный міръ и измѣняетъ

его; такъ личность перерабатываетъ матеріальное въ духовное и наоборотъ. Органъ, гдѣ совершается эта переработка, есть нервная система животнаго. Что реально: искра, пролетѣвшая между катодомъ и анодомъ, или возникшій во мнѣ духовный образъ ея? Чтобы вылѣпить горшокъ, равно необходимы кусокъ глины и идея горшка. Эта идея существуетъ такъ же реально, какъ глина, но она невидима, неосязаема, непротяженна: она иной природы, чѣмъ глина. И вотъ, будучи иной природы, какъ мы говоримъ—духовной, она входитъ въ глину, которая—природы матеріальной, и преобразуетъ ее; и каналомъ ея нисхожденія въ вещество служитъ нервная система горшечника. Очевидно, что нервная система сопричастна обѣимъ сферамъ, т.-е. и духовна, и вещественна. Будучи сама духовной, она способна воспринимать идеи, и будучи вещественной, она способна дѣйствовать въ матеріи, и обратно. Дантистъ зубчатой иглою извлекаетъ изъ зуба тонкую кровавую ниточку нерва; взгляни на нее съ благоговѣніемъ: она обрывокъ той таинственной и священной сѣти, гдѣ совершается тайна бытія. Все измѣримое въ ней ученый измѣритъ на тысячу ладовъ и откроетъ нейроны, электроны; но безпредѣльность есть жизнь ея непостигаемая, вторая сущность.

X.

102.—Если человѣкъ въ своей орудійной ярости позабылъ древнюю правду, если трактуетъ брата своего, какъ организованный прахъ и закономѣрность праха, то не малый проступокъ совершаетъ онъ и осудится не людскимъ судомъ: онъ попираетъ взаимно—въ братѣ и въ себѣ—

верховный законъ природы, и наказанъ въ самый мигъ преступленія. Какъ въ рѣкѣ валунъ обтирается о валунъ, такъ взявшій себѣ раба становится рабомъ его, и чѣмъ сильнѣе порабощаетъ, тѣмъ болѣе рабствуетъ. И какъ господинъ обыкновенно не видитъ, что ради частныхъ и осязательныхъ выгодъ онъ губитъ общую выгоду свою, утративъ покой и свободу, но видитъ это вольный сосѣдъ его и смѣется надъ нимъ, точно такъ культурное человѣчество ослѣплено орудійнымъ соблазномъ. Распиная природу, сораспялъ себя ей человѣкъ, потому что онъ и она едино суть и всякое свершеніе во-внѣ онъ совершаетъ надъ самимъ собою. Но мнѣ жаль не только его, обратившаго въ прахъ себя и меня,—мнѣ жаль и поруганную тварь безсловесную и недвижную, все, что́, рождаясь какъ личность, отдано во власть человѣка.

103.—Есть что-то призрачное въ этомъ зрѣлищѣ, какъ лучшая человѣческая сила отдѣлилась отъ человѣка и зажила въ видѣ его двойника. Отдѣлилось и неудержимо ростетъ раздѣльное знаніе, заодно съ нимъ росеттъ техническое умѣнье, и нѣтъ имъ дѣла до живой души. Необозримое знаніе! безграничное умѣнье! За два вѣка не узнать культуры. Міръ наполнился миріадами человѣческихъ созданій одно изумительнѣе другого. Шутя, почти безъ усилій, наука все глубже проникаетъ въ природу, разглядываетъ механизмъ ея сокровеннѣйшихъ силъ, и, записавъ, передаетъ техникѣ математическую формулу закона, въ которой и власть надъ закономъ. Каждая изъ вещей, окружающихъ насъ,—подлинное чудо; въ самой ничтожной изъ нихъ, въ какой-нибудь пуговицѣ, воплощены неисчислимыя познанія и гигантское умѣнье,—они заложены въ вещь и живутъ въ ней вѣчно дѣятельной, но безстрастной жизнью, мудрые и могучіе, но безликіе. Въ этомъ-то сочетаніи

умной силы съ совершеннымъ равнодушіемъ ко всему, о чемъ скорбитъ и радуется человѣкъ,—въ немъ послѣдній ужасъ, ликъ Горгоны окаменяющій.

104.—Въ самомъ человѣкѣ естественно родилось отвлеченіе, которое уже не онъ, какъ дыханіе, исходящее изъ его устъ; и отвлеченіе разрослось внѣ его облакомъ, которое обняло его, вампиромъ науки и техники. Все крѣпче сжимаются объятія вампира, блѣднѣетъ и чахнетъ человѣкъ, питая его своею кровью. И не вырваться ему изъ смертельныхъ объятій, потому что онъ изъ нѣдръ своихъ родилъ своего двойника, самъ далъ ему жизнь и власть; не вырваться, пока не перестанетъ безвольно питать его своею кровью.

105.—Чѣмъ хитрѣе и могущественнѣе становится безличная человѣчность, тѣмъ больше отдѣльный человѣкъ теряетъ въ силѣ и мудрости. Никогда личность не была такъ хила, какъ теперь, въ расцвѣтѣ науки и техники.

Жилъ среди людей человѣкъ, слывшій недурнымъ столяромъ; и задумавъ усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ, онъ перестал делать шкапы, столы и стулья, но разложилъ ремесло на отдѣльныя знанія и умѣнья, и началъ учиться раздѣльно: пристально изучалъ различныя породы дерева и способы ихъ обработки, учился строгать ясень и дубъ до полной гладкости, пилить вдоль, поперекъ и вкось, учился склеивать доски, отдѣлывать и подгонять шипы, и по времени достигъ во всѣхъ частяхъ великаго искусства. Годы шли, онъ все глубже вникалъ, все дальше дробилъ мастерство, и хотя разучился дѣлать цѣлые столы и стулья, но продолжалъ совершенствоваться. И понемногу люди начали догадываться, что онъ потерялъ разсудокъ. Онъ давно забылъ цѣль своего ученья и уже ни о чемъ не мечталъ, даже не радовался своимъ успѣ-

хамъ. Его мастерская была полна идеально-оструганныхъ досокъ, разнообразнѣйшихъ ромбовъ, угловъ и квадратовъ, отдѣланныхъ на диво, а онъ, какъ одержимый, ежедневно съ утра становился за верстакъ и тупо, съ мутнымъ взглядомъ, пилилъ, строгалъ, сверлилъ и сколачивалъ безцѣльныя части, потомъ ставилъ конченное къ старой грудѣ и машинально принимался за новое.

Такъ современный человѣкъ, увлекшись раздѣльнымъ знаніемъ и умѣньемъ, позабылъ общій смыслъ своего жизненнаго дѣла. Наука и техника были благомъ для человѣчества, пока онѣ дѣйствовали и медленно росли въ строгомъ подчиненіи его цѣлостной волѣ, т.-е. сущему въ немъ образу совершенства; и онѣ стали величайшимъ проклятіемъ съ тѣхъ поръ, какъ оторвались отъ почвы своей и зажили легкой воздушной жизнью, головокружительно-быстро развиваясь и увлекая за собою изнуреннаго человѣка.

106.—Мы нынѣ изживаемъ остатки того крѣпкаго здоровья, которое нѣкогда впитали изъ почвы наши далекіе предки, когда они еще своею личностью, какъ живымъ корнемъ, коренились въ природѣ. Они знали невыразимымъ знаніемъ цѣлое назначеніе свое, и если ихъ средства были скудны, зато не было ни одного знанія или умѣнья, которое не подчинялось бы общему смыслу труда. Наши средства необъятны, но уже не служатъ дѣлу, которое мы забыли, а, напротивъ, уводятъ насъ прочь, не подчиняются жизни, а подчинили ее задачѣ своего собственнаго совершенствованія. Тяжкое недоумѣніе томитъ человѣка: онъ не знаетъ, на что̀ ему это богатство знанія и умѣній, онъ вообще ничего не знаетъ и ничего не хочетъ. Для чего жить? не хочется жить! Въ этомъ чувствѣ нѣтъ логики и нечего ее искать. Воля къ жизни — только фактъ, она бываетъ сильна, и она можетъ совсѣмъ

угаснуть. Онъ еще стоитъ за верстакомъ, какъ тотъ столяръ, и съ виду усердно строгаетъ, но въ его глазахъ глухая тоска и зарницы безумія. Вдругъ сумасшедшій столяръ точно проснется, оглянется съ ненавистью на кучи своихъ ненужныхъ подѣлокъ и, озвѣрѣвъ, начинаетъ яростно рубить топоромъ, и рубитъ въ щепы, пока не искалѣчитъ рукъ; тогда онъ роняетъ топоръ на землю и, сѣвъ въ углу, безпомощно плачетъ, такъ что сердце надрывается слушать. Не такъ ли безумствовали европейскіе народы въ этой страшной войнѣ? Съ яростью крушили, топтали, клочьями пускали по вѣтру созданное такими трудами. Мы думали раньше — они обожаютъ свое достояніе; но въ нихъ внезапно зажглось неукротимое отвращеніе къ нему; въ грохотѣ сраженій былъ слышенъ крикъ человѣка: „Что̀ мнѣ въ богатствѣ? Мнѣ тяжко, мнѣ больно! все сокрушу!“ Можетъ ли человѣкъ дорожить тѣмъ, что создано хотя его руками, но не личной волей его, а отвлеченной волей человѣчества? Вещь любитъ тотъ, кто родилъ ее, какъ сына, изъ нѣдръ своихъ; любитъ дикій бѣдную утварь свою и суевѣрно почитаетъ чужую, воплощенный образъ чужой личности. Дикіе ужаснулись бы такого разрушенія, остановились бы въ самомъ началѣ.

107.— Чувства вялы, страсти слабы; безчисленны вкусныя яства, но аппетита нѣтъ. Какія небывалыя возможности наслажденія, и какая скука! Какія сокровища искусства! Изнемогая въ желѣзныхъ объятіяхъ культуры, личность поетъ свою лебединую пѣснь, потрясающую и трогательную; она искусствомъ остерегаетъ и пророчитъ, зоветъ и плачетъ. Но зритель тупо стоитъ предъ картиною, не содрогается въ немъ сердце; пронзительный стихъ едва ласкаетъ ухо. Ты видѣлъ проститутку на улицѣ? Что-же, вернувшись домой, ты бился въ рыданіяхъ? Ты

видѣлъ нищенку-старуху въ отребьѣ, и свѣтъ тебѣ сталъ не милъ? Ты подумалъ о себѣ самомъ, о твоей пустой, однообразной и трудной жизни, и мятежно возсталъ, вознегодовалъ на судьбу, разорвалъ свои цѣпи?— Все скользитъ по душѣ, почти не волнуя ея, — и рабскій гнетъ, и униженіе, и уродство, трубные звуки и чары красоты. А мысль, гдѣ ея жало? Міръ полонъ вѣчныхъ истинъ, открывшихся пророкамъ, истинами полны наши книги, и наша память — какъ царская сокровищница, но истина не вонзается въ душу, а лежитъ подлѣ, какъ мертвая вещь.

108.— И снова, какъ встарь, — ибо такъ было уже не однажды, — явится изъ дикихъ степей народъ-всадникъ, вскормленный не отвлеченіемъ, а сосцами матери-природы, и пройдетъ на своихъ неутомимыхъ коняхъ наши страны, сокрушая воли, какъ ломкій тростникъ: каждый на конѣ— кипучій микрокосмъ; что ни человѣкъ, то личность. То будетъ въ человѣкѣ побѣда Божьяго образа надъ прахомъ, въ который мы обратили себя: по-истинѣ, праведная побѣда. Пушки Круппа ихъ не остановятъ. Развѣ слабѣе было оружіе великаго Египта надъ гиксами, или Византіи надъ гуннами? Развѣ монголы подъ стѣнами Вѣны не смѣялись надъ огнестрѣльными игрушками Европы? Могучѣй всѣхъ безличныхъ силъ ярость личныхъ желаній, жарко пылающій въ духѣ образъ совершенства.

109.— Я не проповѣдую, я только свидѣтельствую о подлинно-сущемъ. Непремѣнный законъ человѣка — быть и образомъ Божьимъ, и прахомъ. Культура несетъ въ себѣ свою гибель, ибо какая польза накопить богатство, ежели въ накопленіи изнемогъ самъ человѣкъ? Всякое созданіе есть и личность, и не личность, цѣль и средство; всякое совершенно замкнуто въ себѣ — и совершенно растворено

въ общей жизни, существуетъ самобытно, и однако существуетъ не для себя. Не плачетъ ли сама природа, когда, поцѣловавъ рожденную ею плоть, бросаетъ ее въ кипящее горнило, какъ мать, посылающая сына на ратное поле? Еще въ огнѣ сраженій природа окружаетъ свое дитя заботою и любовью, крѣпитъ его пищею и помогаетъ отражать удары. Но и врагъ—ея же дитя; горе, горе! Когда голодный волкъ вонзаетъ зубы въ горло ягненка, скорбитъ ли душа міра, или ликуетъ?—Скорбитъ и ликуетъ въ одномъ чувствѣ, какое недоступно человѣческому сердцу, и торжествуетъ съ побѣдителемъ.

110.—Культура затмила нашъ разумъ, пріучивъ насъ видѣть во всѣхъ созданіяхъ, отъ камня до человѣка, только средство, вслѣдствіе чего человѣкъ и самого себя созналъ средствомъ, а сознавъ, и сталъ имъ: сталъ орудіемъ культуры. Но я не средство; по волѣ создавшаго меня я — и средство, и личность, только въ двойномъ бытіи я исполняю мой законъ. Не исцѣлится человѣчество, больное культурой, пока не исполнитъ и второго своего назначенія, пока не сознаетъ себя человѣкъ, какъ незамѣнимую цѣнность, какъ временно-конечную цѣль творенія. А сознать въ себѣ личность значитъ окрѣпнуть какъ личность, а личность крѣпнетъ только въ личномъ и цѣлостномъ воспріятіи, и болѣе всего — въ любви.

111.—Этотъ вѣрный путь издревле угадывали сердцевѣдцы всѣхъ временъ, основатели религій. Не благодушной мечтательностью звучалъ ихъ призывъ, но такъ же существенно, какъ старшій говоритъ ребенку: „Строгай отъ себя, иначе порѣжешься“, такъ они остерегали людей: „Люби ближняго твоего и всякую тварь. Отвлеченіемъ ты низводишь себя въ прахъ, и только любовью можешь утвердить себя, какъ образъ Божій, среди разлагающаго

отвлеченія“. Призывъ къ любви—самый трезвый, самый практичный, самый мудрый совѣтъ, какой можно дать человѣку. И люди всегда понимали это. Кого признаютъ величайшими благодѣтелями человѣчества? кому воздается наибольшее поклоненіе милліонами душъ на протяженіи тысячелѣтій? Тѣмъ, кто открылъ человѣчеству врачебную силу любви: Христу и Буддѣ. „Знаю, что такъ, хочу любить, хочу уцѣлѣть, и отъ глубины сердца благодарю тебя, указавшаго мнѣ путь спасенія“; и изнурялись въ напрасныхъ усиліяхъ любить, не понимая того, что любовь есть наивысшее самоутвержденіе личности, вѣнецъ, а не начало, что невозможно живущему шесть дней отвлеченіемъ въ седьмой полюбить, что расцвѣсть любовью можетъ только душа, окрѣпшая въ непосредственныхъ восприятіяхъ. Развѣ скажетъ кто горбатому: „выпрямись!“— Столько же пользы сказать современному человѣку: „люби!“ Оттого были тщетны горячія молитвы вѣрующихъ, скорбь и раскаяніе сокрушенныхъ сердецъ, великія жертвы девятнадцати столѣтій. Нельзя личности остаться цѣлою и способною любить въ испепеляющемъ огнѣ культуры; нельзя человѣку безнаказанно предаваться самораспятію отвлеченія. Замедли бѣгъ! Кругомъ тебя, что ни явленіе, то личность, и каждая личность — цѣлебная купель. Погружай твою личность въ личное! Виждь и внемли!

112.— Первобытный человѣкъ и человѣкъ культуры равно далеки отъ совершенства. Руссо былъ неправъ, когда проповѣдывалъ культурному міру возвращеніе къ первобытной простотѣ. Дикарь, погруженный въ природу, дѣйствительно черпаетъ въ ней вѣрное и полное знаніе: въ немъ глубоко напечатлѣнъ цѣлостный образъ совершенства. Поэтому онъ страстенъ и ярокъ въ своей душев-

ной жизни, и каждое чувство его, каждая мысль существенны, какъ боль тѣлесной раны. И оттого, что въ немъ цѣлостенъ образъ совершенства, онъ съ одной стороны сумѣлъ выразить первую мысль о Богѣ, съ другой — безошибочно угадать направленіе, предначертанное человѣку, и проложить начала всѣхъ путей, по которымъ донынѣ идетъ культура. Это онъ въ своемъ безотчетномъ знаніи узналъ, что тьма и холодъ — неправда міра, а правда — свѣтъ и тепло, и потому сохранилъ и раздулъ случайную искру огня, чего не сдѣлало ни одно животное; это онъ понялъ, что пространство, раздѣляющее тѣла, — недолжное въ мірѣ, и изобрѣлъ стрѣлу и лодку, чтобы превозмогать пространство. Но онъ знаетъ еще почти всѣ природныя созданія только какъ личности, въ каждомъ изъ нихъ видитъ образъ Божій, и оттого обожаетъ каждое; оттого же онъ и самъ для себя неприкосновененъ. Правда же въ томъ, что созданіе есть и образъ Божій, и прахъ. Дикарь только немногое въ природѣ опозналъ какъ прахъ, какъ орудіе, и оттого, вѣрно осуществляя образъ совершенства, осуществляетъ его робко и медленно, потому что образъ совершенства познается въ нераздѣльномъ, но осуществляется чрезъ раздѣльное, чрезъ орудійность. Напротивъ, культурный человѣкъ знаетъ всѣ созданія, какъ прахъ и орудія, и потому на диво искусенъ въ осуществленіи, но почти вовсе не знаетъ личнаго въ мірѣ. Образъ совершенства въ немъ тусклъ и блѣденъ; отсюда и общія заблужденія культуры, и призрачность, безстрастіе, вялость личнаго духа.

Недаромъ люди издревле видятъ въ художникахъ существа высшаго рода, какъ бы норму свою: спасеніе человѣчества въ томъ, чтобы совмѣщать цѣлостное и страстное знаніе со знаніемъ раздѣльнымъ, холоднымъ, подобно тому

какъ художникъ сочетаетъ въ своемъ трудѣ вдохновенiе съ цѣлесообразностью средствъ. Во всѣ времена среди людей возникали учители двухъ родовъ: одни учили общей мудрости жизненнаго дѣла, другiе—частнымъ прiемамъ труда; и хотя изобрѣтенiе паровой машины и прививки противъ бѣшенства безконечно увеличили ихъ матерiальную силу, а въ писанiяхъ нѣтъ никакой осязательной пользы, народы съ большей любовью хранятъ память о Руссо и Толстомъ, нежели о Уаттѣ и Пастерѣ. Въ почестяхъ, воздаваемыхъ мудрецамъ и поэтамъ, есть трогательное противорѣчiе. Понятна благодарность культуры Уатту, такъ могущественно двинувшему ее впередъ; но Руссо и Толстой, Шекспиръ и Пушкинъ развѣ не противодѣйствовали ей, принципiально возстановляя личность противъ культуры, какъ первые двое, или увлекая личность съ орудiйнаго торжища на горныя вершины, какъ вторые? Или самъ объективный разумъ коварно позволяетъ личности подкармливаться правдой и поэзiей, потому что ему пока еще нуженъ личный починъ, и въ наше время поэзiя, сгарая въ душахъ, подобно углю гонитъ колеса культуры?

113.—Я есмь я и ничто другое въ мiрѣ, потому что предметъ, находящiйся въ одной точкѣ пространства, не находится ни въ какой другой точкѣ его, и мгновенiе исключаетъ вѣчность. Я не все, не вездѣ, не всегда, но только вотъ этотъ, здѣсь и сейчасъ. Мое бытiе исключаетъ всякое иное бытiе. Я—отдѣльный атомъ мiрозданiя.

Но я пребываю не иначе, какъ въ сужденiяхъ и желанiяхъ. Всякое мое сужденiе исключительно, какъ я самъ. Говорю ли я: это столъ, я тѣмъ самымъ утверждаю, что этотъ предметъ—ничто другое; говорю: этотъ столъ желтъ, и тѣмъ отрицаю въ немъ черноту, бѣлизну и всѣ осталь-

ные цвѣта кромѣ желтаго; мое „да"—крохотный островокъ въ необозримомъ океанѣ „нѣтъ". Точно такъ же мое „хочу" есть хотѣніе *этого* и потому исключаетъ всѣ другіе предметы желаній.

Итакъ, въ каждый отдѣльный мигъ я всѣмъ моимъ бытіемъ и каждымъ его проявленіемъ осуждаю на смерть все существующее, кромѣ двухъ частицъ его: меня самого и предмета моего сужденія или желанія. Я говорю міру: „сгинь, пропади, для того чтобы я уцѣлѣлъ!"—но одинъ я не могу уцѣлѣть; я долженъ унести съ собой и спасти еще хоть одно созданіе: предметъ моего сужденія или желанія. Одинъ я не могу уцѣлѣть, какъ я никогда и не существовалъ одинъ. Въ каждое мгновеніе жизни я нераздѣльно слитъ хоть съ однимъ атомомъ, который—не я, и чрезъ него—со всѣмъ мірозданіемъ, ибо и онъ таковъ же. Безъ мірозданія я не могъ бы ни возникнуть, ни жить, и всякое мое „да" или „хочу", какъ островъ, рождается изъ мірового единства и покоится на лонѣ его.

Въ горшкѣ соединены двѣ субстанціи: комъ глины и идея горшечника. Комъ глины подчинился идеѣ, но вѣдь и она подчинилась ему: изъ глины ты можешь создать только глиняное, и даже изъ малаго кома ея не создашь большого горшка. А подчинились они другъ другу потому, что оба они—комъ глины и идея горшка—равно единичны, единичное же не есть истинная сущность: оно не содержитъ въ самомъ себѣ причину и основаніе своего бытія, но возникаетъ изъ другого, другимъ поддерживаетъ свое существованіе и отъ другого пріемлетъ смерть. Истинная же сущность одна въ двухъ видахъ: міръ, какъ единство, нераздѣльное въ пространствѣ и времени, и образъ его въ человѣческомъ духѣ, образъ совершенства.

Жизнь—согласіе противорѣчій. Жизнь—ни предѣлъ, ни

безпредѣльность, ни единство, ни множество, ни покой, ни движенiе, ни тьма, ни свѣтъ, но то и другое вмѣстѣ и одно въ другомъ, потому что жизнь есть всеобщее въ единичномъ. Оттого любовью человѣкъ исполняетъ естественный законъ, ибо любовью „я“ растворяется въ „не-я“ и въ то же время наиболѣе ограждаетъ свою отдѣльность. Любовь есть полнота жизни, реальное согласованiе противорѣчiй: въ предѣлѣ безпредѣльность, въ двойственности единство, покой въ движенiи и свѣтъ во тьмѣ.

Намъ даны три обители, не раздѣленныя стѣнами. Первая наша обитель—чистое бытiе или бытiе личности въ ней самой—въ ея тройственномъ образѣ совершенства. Здѣсь нѣтъ раздѣльности и потому нѣтъ ни любви, ни вражды; здѣсь тьма и единство тьмы.

Вторая наша обитель—дѣйственное бытiе, гдѣ личность насыщена числомъ, единство—раздѣльностью. Здѣсь, въ сумеркахъ, протекаетъ нашъ вѣкъ. Въ каждомъ дѣйствiи я долженъ смѣшивать лицо и число и, значитъ, долженъ рѣшать—въ какихъ доляхъ? Мудрость нашихъ дней благословляетъ науку за то, что она освободила человѣчество отъ страха предъ произволомъ божества. Да, соблазнъ былъ великъ. Лицо страшно; оно—оболочка, которой прикрыта пучина. Какiя внезапности таятся за нимъ? Его даже нельзя разглядѣть: подобно огнезарному солнцу, оно слѣпитъ глаза стрѣлами своихъ лучей. А число безопасно, отчетливо видно, и за нимъ нѣтъ ничего. Оттого человѣкъ и предался числу, погрязъ и изнѣжился въ немъ, почти отвыкъ отъ страстной и суровой жизни, какъ въ Капуѣ воины Ганнибала. Но горе тому, кто выбралъ себѣ въ удѣлъ число. Ибо вотъ, уже разверста третья обитель, готовясь поглотить тебя: третья обитель—смерть, царство Числа, гдѣ въ ровномъ мертвенномъ свѣтѣ все раздѣльно и все—вражда.
